

Роберт Стивенсон

Мастер Баллантрэ

Роберт Льюис Стивенсон

Мастер Баллантрэ

«Public Domain»

1889

Стивенсон Р.

Мастер Баллантрэ / Р. Стивенсон — «Public Domain», 1889

«Несмотря на то, что настоящий роман скорее может быть назван бытовым, чем историческим, мы считаем нужным посвятить несколько слов тем событиям, на фоне которых разворачивается драма родовитого шотландского дома. Чарльз Эдуард Стюарт (принц Чарли), внук низложенного короля Иакова II, мечтал о завоевании английской короны для своего отца. В 1744 году он отправился во Францию, надеясь встретить могучую поддержку со стороны Людовика XV. Но он обманулся в этих ожиданиях. Тем не менее он в 1745 году высадился на шотландском берегу, собрал вокруг себя значительное число приверженцев, вступил в Эдинбург, разбил неприятеля при Престон-Пансе и проник в Англию вплоть до города Дерби (в двух днях пути от Лондона). Но нерешительность и недисциплинированность шотландцев принудили его к отступлению. Вернувшись в Шотландию, он выиграл сражение при Фолкирке, но был сам наголову разбит при Куллодене (1746). Лишившись армии, он должен был некоторое время скрываться, и лишь с большими опасностями ему удалось бежать во Францию. Так закончилась карьера „принца Чарли“, если не считать еще двух его тайных, но совершенно безуспешных поездок в Англию – в 1753 и 1761 годах...»

© Стивенсон Р., 1889

© Public Domain, 1889

Содержание

Предисловие к русскому переводу	6
Предисловие	8
Глава I	10
Глава II	18
Глава III	30
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Роберт Стивенсон

Мастер Баллантрэ

(The Master of Ballantrae: A Winter's Tale, 1889)

* * *

Предисловие к русскому переводу

Несмотря на то, что настоящий роман скорее может быть назван бытовым, чем историческим, мы считаем нужным посвятить несколько слов тем событиям, на фоне которых разворачивается драма родовитого шотландского дома.

Чарльз Эдуард Стюарт (принц Чарли), внук низложенного короля Иакова II, мечтал о завоевании английской короны для своего отца. В 1744 году он отправился во Францию, надеясь встретить могучую поддержку со стороны Людовика XV. Но он обманулся в этих ожиданиях. Тем не менее он в 1745 году высадился на шотландском берегу, собрал вокруг себя значительное число приверженцев, вступил в Эдинбург, разбил неприятеля при Престон-Пансе и проник в Англию вплоть до города Дерби (в двух днях пути от Лондона). Но нерешительность и недисциплинированность шотландцев принудили его к отступлению. Вернувшись в Шотландию, он выиграл сражение при Фолкирке, но был сам наголову разбит при Куллодене (1746). Лишившись армии, он должен был некоторое время скрываться, и лишь с большими опасностями ему удалось бежать во Францию. Так закончилась карьера «принца Чарли», если не считать еще двух его тайных, но совершенно безуспешных поездок в Англию – в 1753 и 1761 годах.

Роман «Мастер Баллантрэ» был начат в 1888 году в Америке и окончен через полтора года после скитаний по морю, в приморском местечке Вайкики, близ Гонолулу. Обстоятельства, при которых написана эта повесть, путевые переживания автора заметно отразились и на ходе рассказа: мы видим ту же частую смену картин, тот же быстрый перенос действия из одной части света в другую... И все это связано такой захватывающей фабулой, что история «Двух братьев» не уступает «Острову Сокровищ».

Помимо глубокой драматичности сюжета, роман интересен и обрисовкой характеров. По отзыву Конан Дойля, в этой повести мы встречаем «тщательно отделанный и тонко начерченный образ героини – мисс Алисон, – характер которой, взятый в целом, со всеми его недостатками, поразительно правдив и оригинален. Мужские персонажи тоже обрисованы сильнее и ярче, чем в предыдущих произведениях Стивенсона».

СЭРУ ПЕРСИ ФЛОРЕНСУ И ЛЕДИ ШЕЛЛИ

В этом рассказе говорится о событиях, происходивших в течение многих лет, и о путешествиях по далеким странам. В силу различных обстоятельств, рассказчик начал его в одной стране, а продолжал и окончил в другой. Рассказчику приходилось много раз бывать на море. И вот в то время, как он сидел на палубе корабля и слушал, как волны непрерывно шумели, он думал о том, как ему лучше описать все, что он слышал о двух братьях Дьюри-Деррисдир, о их ужасной вражде, как ему яснее представить зал в доме лорда Деррисдира, аллею из кустарников, и как ему лучше разработать ту тему, которую ему дал Маккеллар. Он переставал думать об этом только тогда, когда его настигала буря. Надеюсь, что рассказ этот заинтересует вас, сэр Перси, и подобных вам любителей морских путешествий, как вы.

И вот я посылаю вам рассказ, написанный в тропическом краю, на острове, лежащем приблизительно на расстоянии десяти тысяч миль от Боскомб-Чайна и Манора. Я посвящаю вам эту книгу, и в то время, как пишу вам, я ясно представляю себе голоса и лица моих дорогих друзей.

*Одним словом, вы любитель моря, и я также. Пусть ваши сигнальные
буквы будут Б. Р. Д., а мои Р. Л. С.
Вайкики, май, 17, 1889.*

Предисловие

1

Будучи застарелым, решительным изгнанником, издатель последующих страниц вновь посетил город, который он торжественно считает своей родиной. Нет ничего тягостнее или, пожалуй, спасительнее такого посещения. На чужбине человек всегда будет нечаянным гостем и возбуждает больше внимания, нежели ожидал, а в родном городе, наоборот, он изумляется, что его так равнодушно принимают. На чужбине ему отраднее видеть привлекательные лица, встречать возможных друзей. А у себя он бродит по длинным улицам с мукою в сердце, потому что не видит ни лиц, ни друзей. В чужом месте он развлекается новизной, а здесь его мучит отсутствие старого, бывшего. В чужом месте он доволен собой, таким, каким он есть, а у себя на родине его поражает одинаковое сожаление о том, чем он когда-то был, и о том, чем он надеялся быть.

Все это смутно думалось ему, когда он в последний раз ехал со станции, чувствовал он это и в то время, когда остановился у дверей друга своего Джонстона Томсона, у которого намеревался погостить. Его сердечно приветствовали. Лицо друга не показалось ему очень изменившимся. Вспомнили старые дни, посмеялись. Когда спустя несколько минут оба они уселись лицом к лицу и осушили до дна стаканы за прошлое, он был уже почти утешен, он почти забыл два своих непростительных греха – и тот, что он покинул родной город, и тот, что вернулся в него.

– А ведь я для вас кое-что припас, – сказал мистер Томсон. – Мне хотелось почтить ваш приезд, потому что вместе с вами вернулась моя молодость, друг мой! Вернулась, правда, в несколько потрепанном и подержанном виде, но что делать! Это все, что от нее осталось!

– Что-нибудь все же лучше, чем ничего, – сказал издатель. – Но что такое, вы говорите, припасли для меня?

– Сейчас скажу, – ответил мистер Томсон. – Судьба послала мне в руки, как раз к вашему приезду, кое-что, могущее послужить нам вроде десерта. Но это – тайна!

– Тайна? – повторил я.

– Да, – сказал он, – тайна. Может быть, сущий вздор, а может быть и нечто. Но во всяком случае тайна, потому что этого не видел ни единый человеческий глаз, вот уже почти сто лет. Вещь деликатная, потому что тут дело идет о титулованном роде. Несомненно также, что эта вещь и не лишена мелодраматичности, потому что связана со смертью, – так гласит надпись.

– В жизни своей не слыхивал более темного и более многообещающего вступления! – заметил собеседник. – Но в чем же дело?

– Вы помните моего предшественника, старого Питера Мак Брейра, и чем он занимался?

– Помню хорошо. Он на меня взглянуть не мог без муки порицания, а никакой муки он вообще не выносил, чтоб не выдать ее. Он был для меня человеком, полным исторического интереса, только этот интерес так и ушел от меня.

– Он ушел от нас, так мы пойдем за ним, – сказал мистер Томсон. – Смею сказать, что старый Питер знал об этом так же мало, как я. Как видите, я унаследовал чудовищную кучу старых судебных дел и старых жестянок, частью от самого Питера, частью от его отца, Джона, основателя их династии, бывшего в свое время великим человеком. В числе прочего мне достались и бумаги Деррисдиров.

– Деррисдиров! – вскричал я. – Милый мой, это должно быть ужасно занимательно! Ведь один из них был замешан в делах 1745 года. Тут как-то припутался даже сам дьявол, вы можете

---

¹ Вошло не во все издания этого романа, а только в последние.

найти об этом заметку в «Воспоминаниях» Лоу, если не ошибаюсь. Тут совершилась какая-то невыясненная трагедия, не знаю, что именно, только позднее, около ста лет тому назад...

– Нет, больше ста лет, – сказал мистер Томсон, – в 1783 году.

– Вы откуда это узнали? Тут замешана чья-то смерть...

– Да, плачевная смерть лорда Деррисдира и его брата, мастера Баллантрэ (замешанного в беспорядках), – сказал мистер Томсон. – Так, что ли?

– По правде сказать, – отвечал я, – я имею об этом смутные сведения, почерпнутые из разных воспоминаний, слышал кое-какие, еще более смутные, предания от своего дяди, которого вы, кажется, знаете. Дядя, когда был маленьким, жил по соседству с Сент-Брайдом. Он рассказывал мне о какой-то запертой и заросшей травой аллее, о больших, никогда не отпираемых воротах; последний лорд и его сестра, старая девица, жили в задних частях дома, это была спокойная, тихая, бедствующая пара, о которой в окрестностях рассказывали разные ужасы.

– Так, – сказал мистер Томсон. – Последний лорд Генри Грем Дьюри умер в 1820 году, его сестра мисс Катерина Дьюри – в 1827 году. Вот что мне известно, а судя по тому, что мне удалось узнать за последнее время, это были люди скромные, тихие и небогатые. Говоря по правде, меня и натолкнуло письмо лорда на розыски того пакета, который мы вскроем сегодня вечером. Некоторые бумаги не удалось отыскать, он писал об этом Джеку М'Брейру, высказывая догадку, что они могли быть сложены и запечатаны отдельно мистером Маккелларом. М'Брейр ответил, что бумаги, о которых шла речь, все были в руках Маккеллара и все имели повествовательный характер, сколько было известно ему, М'Брейру. «Кроме того, – писал он, – я связан обещанием не вскрывать их до 1889 года». Можете себе представить, как все заинтересовало и подстрекнуло меня. Я перерыл все бумаги М'Брейра и отыскал-таки этот пакет который хочу вам показать.

В курильне, куда отвел меня мой хозяин, я увидел пакет, под несколькими печатями, заделанный в толстую бумагу, на котором была надпись:

«Бумаги, относящиеся к жизни и плачевной кончине покойного лорда Деррисдира и его старшего брата Джемса, обычно называвшегося мастером Баллантрэ, замешанного в возмущении, вверенные Джону М'Брейру, живущему в Лаунмаркете, в Эдинбурге, сего 20 сентября 1789 года, дабы он содержал их в тайне до истечения полного столетия, то есть до 20 сентября 1889 года, составленные и писанные мной, Эфраимом Маккелларом, за сорок лет перед сим бывшим управляющим владениями лорда».

Мистер Томсон человек женатый, и потому я не хочу говорить, сколько часов пробило, когда мы дочитали последнюю из нижеследующих страниц. Но я приведу слова, которыми мы потом обменялись.

– Вот вам и готовая повесть, – сказал мистер Томсон. – Вам остается только лишь написать сценарий, развить характеры, да улучшить стиль.

– Дорогой мой, – ответил я, – вот три вещи, которые я скорее умру, чем совершу. Это будет опубликовано как есть.

– Но ведь это чересчур уж просто, – заметил мистер Томсон.

– Нет ничего благороднее простоты, – возразил я, – и, пожалуй, нет ничего занимательнее. Я желал бы, чтобы и вся литература и все писатели были таковы.

– Ну, хорошо, хорошо, посмотрим, – сказал мистер Томсон.

Джонстон Томсон, W. S.² – это мистер Бакстер, впоследствии бывший душеприказчиком автора, которому Стивенсон часто писал. Описанная сцена и происходила в его доме, в Эдинбурге, Ротзейская площадь, № 7.

² W. S. сокращение слов Writer to the Signet, то есть, буквально, писец печати, что-то вроде коронного адвоката.

Глава I

Перечень событий, происшедших во время странствования мастера³ Баллантрэ

Так как мне известно, что события, о которых в этой главе пойдет речь, давно уже интересовали весьма многих лиц, то я вполне уверен, что подробное описание их доставит публике удовольствие, потому что оно удовлетворит ее любопытство. Дело в том, что я в продолжение многих лет жил в семействе лорда Деррисдира и могу с уверенностью сказать, что на свете нет ни одного человека, который мог бы рассказать так достоверно и правдиво о всех похождениях мастера Баллантрэ, старшего сына лорда, как я. Я близко знал его, мне известны такие похождения, о которых никому, кроме меня, не известно, у меня в руках есть письменные доказательства того, что я говорю правду, я путешествовал с ним, когда он совершал свое последнее путешествие по морю, и когда, кроме меня, почти никого с ним не было; я участвовал в одном из зимних путешествий, о которых составилось столько различных преданий, и молва о которых разнеслась далеко за пределы отечества, и я же был свидетелем смерти этого человека. А что касается моего покойного лорда Деррисдира, то я служил ему около двадцати лет, искренно любил его, и чем дольше я с ним жил, тем больше я о нем заботился.

Ввиду всего этого я считаю не лишним дать верные сведения о близком мне семействе; мне кажется, что, делая это, я исполняю обязанность, которую я должен исполнить в память о милорде, и мне думается, что мои старые годы протекнут еще более спокойно и моя старая голова будет отдыхать еще с большим удовольствием на подушке, если я исполню задачу, которую я себе задал.

Семейство Дьюри-Деррисдир-Баллантрэ было знатное шотландское семейство старинного рода, существовавшее еще со времен Давида I и жившее на юго-западе Шотландии. Что Деррисдиры принадлежали к старинному роду, видно из того, что о них сложилась молва, будто они сломали на своем веку не одно копьё. Фамилия Деррисдир часто встречается в различных старинных рассказах, о них упоминает также Томас Эрсильдунский. В точности я не могу определить, кто и когда написал о них следующие строки, но я сам читал их. Вот они:

Жили-были два брата Дьюри-Деррисдир,
Один шел пешком, а другой ездил верхом,
Но когда они были раздражены,
То ни груму, ни жене не было покоя.

О подвигах Деррисдиров сложились всевозможные повести, но для нас, современных людей, эти подвиги кажутся довольно дикими и не особенно похвальными. От воинственных стремлений, которыми мужской элемент Деррисдиров был проникнут, семейный быт их сильно страдал. Но я не стану об этом распространяться, а прямо перейду к событиям, совершившимся в 1745 году, к тому памятному году, в котором трагедия, разыгравшаяся в семействе Деррисдиров, получила свое начало.

В то время в поместье Деррисдир-Баллантрэ, недалеко от города С.-Брайда на берегу Сольвея, жило семейство, состоявшее из четырех лиц. Поместье это один из лордов Дьюри-Деррисдир получил в подарок от короля еще во времена Реформации.

Старый лорд Деррисдир, хотя и не был особенно стар годами, был человек болезненный, поэтому он постоянно в теплом домашнем костюме просиживал у камина в продолжение всего

---

³ Master значит барич, барчук, в отличие от mister, господин, барин.

дня, почти ни с кем не разговаривал, но зато, когда это случалось, не произносил ни одного слова неправды. Он много читал, так как очень любил читать. Слыл он за человека хитрого, хотя на самом деле он был гораздо меньше хитер, чем люди воображали.

Мастер Дьюри-Деррисдир-Баллантрэ, сын лорда, унаследовал от отца любовь к чтению серьезных книг, а кроме того, еще и многие другие черты характера, но все они развились у него в более дурную сторону. Отца считали хитрым человеком, потому что он никогда резко не высказывался, у сына же эта сдержанность перешла в лицемерие. Образ жизни он вел довольно бурный: далеко за полночь просиживал за вином и за картами, ухаживал за всеми хорошенькими поселянками и слыл за отчаянного ловеласа. Вследствие этого у него часто бывали неприятности, то и дело то с тем, то с другим завязывалась ссора. Но от всех неприятностей он очень ловко избегался и, несмотря на все свои проделки, всегда выходил сухим из воды. Таким образом действий он нажил себе весьма многих недоброжелателей, но находились и такие люди, которые не завидовали его счастью и, напротив, предсказывали ему блестящую будущность, когда он сделается старше и станет человеком более солидным.

Один раз он, как мне говорили, запятнал свое имя чрезвычайно грязным поступком, но дело это замаяли. Происшествие это случилось раньше, чем я приехал в поместье Деррисдир, и факт этот до такой степени исковеркали, что я не решаюсь писать о нем, так как боюсь написать неправду. Если Джемс Баллантрэ действительно совершил этот поступок, то для такого молодого человека, каким он был в то время, это чрезвычайно позорный поступок, если же это неправда, то это непростительная клевета. Весьма возможно, что в том, что рассказывали, была известная доля правды, так как Джемс любил хвастаться своими успехами, и наверно, кто-нибудь, воспользовавшись случаем, заставил его на деле доказать, насколько он счастлив, тем более, что о нем ходила молва как о человеке, против которого трудно устоять.

Третье лицо, жившее в доме лорда Деррисдира, был молодой человек, двадцати четырех лет, младший сын лорда Деррисдира, мистер Генри. Он не отличался ни особенно дурным, ни особенно хорошим характером, а был человеком как все люди. О нем очень мало говорили. Всем было известно, что он был большой любитель удить рыбу (этим спортом он часто и долго занимался), что он был хорошим ветеринаром и, несмотря на то, что был еще так молод, управлял именем отца. Как трудно ему было управлять им при отношениях, существовавших между ним и его родными, это только мне одному известно, так же точно, как только я один знаю, как несправедливо судили о нем, называя его тираном и негодяем.

Четвертое лицо, жившее в доме старика-лорда, была мисс Алисон Грем, близкая родственница лорда, сирота и наследница большого состояния, которое отец ее приобрел посредством торговли.

Деньгами мисс Алисон распорядился старик-лорд и употреблял их на нужды своего поместья, так как поместье было заложено и на постепенный выкуп его требовались деньги. Лорд поступал таким образом с согласия своей родственницы, которая, как было условлено, должна была сделаться женой Джемса. Она с удовольствием дала слово выйти за него замуж, но насколько он был счастлив при мысли о женитьбе на ней – это другой вопрос.

Мисс Алисон была мила собой, умна, порою даже остроумна и своевольна. Так как жена лорда давно умерла, а у него никогда не было дочери, то мисс Алисон выросла в доме своего родственника без всякого женского присмотра и делала, что хотела.

Четыре члена этой семьи были совершенно неожиданно всполошены вестью о том, что принц Чарли высадился у берегов Шотландии. Милорд, как человек, ценящий покой, был того мнения, что сыновьям нечего торопиться идти сражаться.

Мисс Алисон была другого мнения, ей казалось романтичным идти на войну, и Джемс (что случалось с ним не очень часто) был одного мнения с ней. Его заинтересовало отважное предприятие, он, очевидно, рассчитывал приобрести славу, а также и средства для того, чтобы расплатиться с кредиторами, которых у него было немало.

Что касается мистера Генри, то он молчал и высказал свое мнение только после того, как лорд Джемс и мисс Алисон перестали спорить. Эти три человека спорили в продолжение целого дня, раньше чем прийти к какому-либо соглашению, и в конце концов решили, что один из сыновей должен отправиться воевать за короля Джемса⁴, в то время как другой останется дома с отцом, чтобы не стать в дурные отношения с королем Джорджем.

По всей вероятности, мысль эта принадлежала старику-лорду, и насколько мне известно, многие семьи поступили в то время таким же образом, как решил лорд.

Но один спор кончился, а другой начался. Дело в том, что лорд, мисс Алисой и мистер Генри, все были того мнения, что старший сын должен остаться дома, а младший должен отправиться на войну, но мастер Баллантрэ ни под каким видом не соглашался оставаться дома, его беспокойный характер и его тщеславие не давали ему покоя. Милорд просил его, мисс Алисон плакала, мистер Генри ясно излагал ему, почему ему следует остаться дома – все напрасно.

– Обязанность прямого наследника поместья Деррисдир ехать верхом, рядом с королем, – сказал Джемс.

– Если бы ты действительно вел себя как наследник, это другого рода дело, – сказал мистер Генри. – Но что ты делаешь? Чем ты занимаешься? Ты плутуешь только в картах, и больше ничего.

– Мы будем охранять замок Деррисдиров, Генри, не правда ли? – сказал отец.

– И вот еще что, Джемс, – прибавил мистер Генри, – если я отправлюсь в поход и принц будет победителем, то мне удастся примирить тебя с королем Джемсом. А если ты отправишься в поход, и та сторона, к которой ты будешь принадлежать, проиграет, то ты обязан поделиться со мной и правами, и титулом. Ну, а кем я буду в таком случае?

– Лордом Деррисдиром, – сказал старший брат, – ручаюсь тебе за это.

– Я не согласен играть в такую серьезную игру! – закричал мистер Генри. – Я вовсе не желаю быть в таком дурацком положении, в каком ни один человек, имеющий хоть каплю смысла в голове, не пожелает долго оставаться. Что я буду представлять из себя? Ни рыба, ни мясо. – Он с минуту помолчал, а затем сказал то, что он, быть может, в другое время не решился бы выговорить: – Ты любимец отца... твоя обязанность оставаться с ним.

– Ба, – сказал мастер Баллантрэ, – ты говоришь это из зависти, больше ничего. Я – любимец! Быть может, ты желаешь подставить мне ножку, Иаков?

Слово «Иаков» он произнес каким-то особенно насмешливым тоном.

Мистер Генри повернулся и, ничего не ответив, прошелся несколько раз по комнате. Он обладал удивительным искусством молчать, когда это требовалось. Но вдруг он сразу остановился перед мистером Джемсом и сказал:

– Я младший сын, и мне следовало бы идти, а между тем будущий владелец поместья говорит: «Я иду». Как же нам быть? Что ты скажешь мне на это, мой братец?

– Я скажу тебе, Гарри, вот что. Когда двое упрямых людей спорят, то есть только два способа разрешить их спор: начать драться, чего мы, надеюсь, делать не будем, или же бросить жребий. Вот гиней. Решай, какая твоя сторона, лицевая или оборотная.

– Отлично, если лицевая сторона будет наверху, то я иду в поход, если же оборотная будет наверху, я остаюсь дома.

Монета была брошена, и оборотная сторона оказалась наверху.

– Вот это тебе хороший урок, Иаков, – сказал мастер Баллантрэ.

– Очень жаль, что так случилось, – ответил мистер Генри и выбежал из комнаты.

В то же время мисс Алисон взяла монету, которая решила спор братьев и, рассердившись на нее за то, что она опрокинулась не так, как она, мисс Алисон, этого желала, выбросила ее за окно.

---

⁴ James, так в просторечии англичане переименовывают имя Иаков.

– Если бы ты любил меня так сильно, как я люблю тебя, то остался бы дома! – закричала мисс Алисон, подходя к Джемсу.

– Я не могу любить тебя сильнее своей чести, – ответил мастер Баллантрэ.

– О, у тебя нет сердца, – воскликнула она, – и пусть тебя убивают, мне все равно!

С этими словами она, заливаясь слезами, выбежала из зала и отправилась к себе в комнату.

Мастер Баллантрэ остался вполне равнодушным к этому порыву горя, и когда молодая девушка выбежала из комнаты, он, сделав насмешливую гримасу, обратился к своему отцу и сказал:

– Мне кажется, что это будет не жена, а какой-то домашний черт.

– Нет, не она черт, а ты! – закричал отец. – Ты огорчаешь меня, тогда как ты отлично знаешь, что ты мой любимец. Хотя мне и стыдно признаться в том, что я несправедлив, но я не могу этого отрицать. И, несмотря на всю мою любовь к тебе, ты с самого дня твоего рождения доставлял мне лишь одни неприятности, ты ни разу не порадовал меня, ни разу, ни разу, – повторил он еще в третий раз.

Не знаю, что привело милорда в такое волнение, легкомыслие и непослушание старшего сына или же упрек младшего относительно того преимущества, которое отец давал старшему, но только старик был в страшном волнении. Мне думается, что главной причиной этого волнения был именно вполне заслуженный упрек, который ему косвенно сделал его младший сын, потому что с этого дня милорд начал относиться к мистеру Генри гораздо лучше.

Рассорившись со всеми членами своей семьи, мастер Баллантрэ отправился в поход. Ему с трудом удалось набрать двенадцать молодых людей, все это были сыновья ленников, согласившихся ему сопутствовать. Все они были навеселе в то время, как они отправлялись в поход, и поднимаясь на холмы верхом на лошадях, пели и орали во всю глотку. У каждого из молодых людей на шляпе была вышита белая кокарда.

Со стороны молодых людей решиться в таком ничтожном количестве отправиться в поход было прямо-таки безумием. Это было тем более безрассудно, что как раз в то время, когда они скакали по холмам, корабль королевского флота с развевающимся на нем флагом вошел в залив. Большая лодка могла бы легко доставить всех этих молодых людей на корабль.

На следующий день после обеда, дав мастеру Баллантрэ возможность проехать известное пространство, мистер Генри также сел на лошадь и отправился к королю Джорджу, чтобы предложить ему свои услуги и передать письмо от отца.

Мисс Алисон заперлась в своей комнате и по целым дням сидела там и плакала. Единственное, чем она развлекалась, это тем, что вышивала кокарду на шляпе Джемса, и кокарда, как говорил мне Джон Поль, была совсем мокрая от слез, когда он, по ее поручению, снес ее вниз, в комнату Джемса.

Мистер Генри исполнил поручение, которое дал ему отец, но чем его миссия кончилась, это мне неизвестно, знаю только, что старик-отец по-прежнему сидел у камина и что он получил какое-то письмо от важного лица. Младший сын был теперь дома. Старшему сыну отец не писал. Тот, в свою очередь, был также не особенно к отцу внимателен.

Мисс Алисон посылала к нему с письмами одного гонца за другим, но не думаю, чтобы она получила от него хоть один ответ.

Она послала как-то с письмом к нему Макконоки, в то время, когда мастер Баллантрэ со своим отрядом добровольцев стоял перед Карлейлем. Макконоки подъехал к Джемсу как раз в то время, когда тот рядом с принцем ехал на коне. Он, по-видимому, пользовался большим расположением принца, потому что тот разговаривал с ним очень милостиво.

Мастер Баллантрэ, как рассказывал мне Макконоки, взял письмо, распечатал его, прочитал, сделал такое движение ртом, как будто он хотел свистнуть, и положил его за пояс, откуда

оно в то время, как лошадь сделала скачок, выскользнуло и упало на землю. Макконоки поднял его и положил его в карман. Я сам видел у него в руках это письмо.

В Деррисдир о мастере Баллантрэ приходили с разных сторон очень странные вести. Из того, что мы слышали о нем, мы могли заключить только одно, что мастер Джемс был в очень хороших отношениях с принцем, он ухаживал за ним и прямо-таки унижался перед ним. Подобное поведение такого гордого и надменного человека как Джемс, было крайне удивительно. Ходили толки, будто мастер Баллантрэ заискивает перед ирландцами. Сэр Томас Сьюливан, полковник Бурке и многие другие были его друзьями. И все это были ирландцы.

Действуя таким образом, Баллантрэ потерял расположение своих соотечественников. Во всех интригах против лорда Джорджа он принимал участие, поступал всегда так, как ему казалось удобным, невзирая на то, какие от этого могли произойти последствия, лишь бы принц оставался этим доволен, хорошо ли, дурно ли было то, что от него требовал принц; он все исполнял и находил все прекрасным и наподобие того, как он действовал в частной жизни, он действовал и тут во время военного похода: он жертвовал всем и всеми ради личной выгоды. Дрался он чрезвычайно храбро, в трусости его никто не мог упрекнуть.

Следующие известия, после известий из Карлейля, пришли из Куллодена. Известие это в Деррисдир принес один из сыновей ленников, отправившихся в поход вместе с Джемсом, и, как он уверял, единственный, оставшийся из них в живых.

Вследствие какой-то несчастной случайности Джон Поль и Макконоки в то утро, когда пришло известие, нашли в кусте остролиста ту гинею, которая, по мнению мисс Алисон, была причиной всего ее несчастья. Они в этот день, как выражалась прислуга в Деррисдире, «выходили за забор», и, по всей вероятности, они, найдя гинею, потеряли рассудок, потому что Джон Поль, вернувшись домой, не мог ничего глупее и хуже придумать, как вбежать опрометью в зал, где члены семейства сидели за столом, и закричать:

– Я сию минуту разговаривал с Тэмом Макморландом, отправившимся с мастером Баллантрэ в поход, и он сообщил мне, что за исключением его все убиты.

С минуту в комнате царило гробовое молчание, никто не решался первый произнести слово. Мистер Генри провел рукой по лбу, мисс Алисон закрыла лицо руками, а старик-лорд побледнел как мертвец.

– У меня теперь только один сын, – сказал он наконец, – и Генри, скажу тебе откровенно, что тот, который остался в живых, лучший из них.

Со стороны лорда было довольно странно сделать Генри в такую минуту подобное признание, но старик никак не мог забыть упрек, который относительно старшего брата сделал ему его младший сын, а так как он чувствовал за собой некоторую вину, то он надеялся на то, что он, похвалив Генри, несколько загладит свою вину.

Мисс Алисон, к удивлению присутствующих, ни с того, ни с сего набросилась сначала на старика-лорда, упрекая его за произнесенные им только что слова, затем на мистера Генри за то, что он относится так спокойно к известию о том, что брат его убит, а в заключение засыпала саму себя упреками за то, что она поссорилась с Джемсом накануне его отъезда. Она ломала свои руки, кричала, звала Джемса по имени и ясно выказывала свою любовь к умершему, так что вся прислуга, глядя на нее, приходила в изумление.

Мистер Генри встал и ухватился рукой за спинку своего стула. Теперь он был бледен как полотно.

– Ага, – вскрикнул он вдруг, – я, стало быть, не ошибся, что вы его любите!

– Слава Богу! Весь свет знал об этом! – закричала мисс Алисон и, не спуская глаз с мистера Генри, сказала: – Но вот чего никто другой, кроме меня, не знает, так это то, что вы в вашем сердце соперничали с ним.

– Да, одному Богу это известно, – сказал мистер Генри и с сердцем добавил: – Вы и я, мы оба любили напрасно.

После только что описанного печального события прошло довольно много времени. Все в доме шло своим обыкновенным порядком, ни в чем не было заметно перемены, за исключением того, что прежде за обеденным столом сидело четыре человека, а теперь сидело только трое.

Так как деньги мисс Алисон были лорду необходимы, то вскоре после того, как он получил известие о смерти старшего сына, он задался мыслью женить на ней младшего. Сидя у камина и перелистывая какую-нибудь латинскую книгу, он изо дня в день беседовал с мисс Алисон о мистере Генри и смотрел на нее так ласково, что на него самого приятно было смотреть. Когда она плакала, он утешал ее и разговаривал с ней о печальных событиях, которые происходили с ним во времена его молодости; когда она начинала сердиться и кричать, он делал вид, будто собирается читать, и действительно углублялся в чтение, предварительно, впрочем, извинившись перед ней за то, что он позволяет себе при ней читать; когда она предлагала ему в подарок свои деньги, как она делала это часто, он отказывался и старался доказать ей, что если бы даже он согласился на это, мистер Генри никогда не примет от нее этих денег, так как он слишком горд. Его любимая фраза была: *non vi sed saepe cadendo*, и его спокойствие и вместе с тем систематическое преследование намеченной себе цели привели к известным результатам: молодая девушка делалась откровеннее, менее сдержанна и поддавалась влиянию своего родственника. Это было вполне естественно, так как он с самого детства заменял ей отца и мать, и поэтому не мудрено, что она питала к нему расположение. Так как в жилах ее также текла кровь Дьюри-Деррисдиров, то неудивительно, что она готова была пожертвовать большей частью своего состояния для того, чтобы поместье Деррисдир достигло своего прежнего блеска. Она делала со своей стороны все, что могла, чтобы поместье это процветало: сколько бы ни требовалось денег, она никогда не отказывала в них. Не думаю, однако, чтобы самопожертвование ее дошло до того, что она решилась бы выйти замуж за моего бедного патрона, мистера Генри, если бы, как это ни странно, она не принуждена была сделать это ради того, чтобы помочь ему приобрести популярность и любовь своих крестьян, которой он чуть было совсем не лишился.

Виной всему этому был Тэм Макморланд. Тэм был не таким дурным человеком, каким он казался, но у него был один огромный недостаток, который причинял и ему, и другим вред, а именно: он не мог держать язык за зубами. Так как он был единственный человек, отправившийся из этого поместья в поход, или, вернее, единственный, вернувшийся из похода живым, то вполне понятно, что к нему обращались с вопросами о том, что происходило во время похода, как и кто дрался и прочее. Любопытных было много.

Странно, но я много раз замечал, что те, которые проигрывают сражение, желают непременно доказать, что их предали или обманули. Тэм старался доказать то же самое. Их предали при Дерби и при Фолкирке, ночной поход не удался вследствие предательства лорда Джорджа, а при Куллодене они должны были сдать, из-за предательства Макдональдов. Разговоры об этих предательствах не прекращались, простой люд только и толковал об этом и, наконец, начал впутывать в свои рассказы мистера Генри. Мистер Генри, как уверяла толпа, обманул молодых людей, отправившихся в поход: он обещал им собрать отряд и прийти к ним на помощь, а вместо этого отправился к королю Джорджу.

– И вскоре после этого, – оканчивал обыкновенно Тэм свой рассказ, – мой бедный добрый сэръ и бедные добрые юноши, отправившиеся с ним в поход, были преданы, а как только они перескочили через утес, Иуда, предавший их, исчез. Но все равно, хотя мой бедный сэръ и превратился в холодный труп и лежит в земле под кустом вереска, он остается все-таки моим сэром.

И при этих словах Тэм, как будто он выпил лишнее, принимался обыкновенно плакать.

Известное дело, что, когда люди долго и много говорят все об одном и том же, им в конце концов начинают верить.

Слухи о неблагородном поведении мистера Генри начали постепенно распространяться все дальше и дальше, по всему поместью, а затем даже и за пределы его. Недоброжелатели его и необразованные, глупые люди с жадностью ухватились за эту тему для разговора. Сплетни о предательстве и измене мистера Генри не прекращались. Сначала с мистером Генри старались не встречаться, затем при появлении его мужчины между собой начали бормотать и о чем-то шептать, женщины же, как более храбрые люди, потому что они знают, что они менее ответственны за свои поступки, не стесняясь, начали осыпать его прямо в лицо упреками. О мастере Баллантрэ говорили чуть ли не как о святом.

О нем вспоминали как о человеке, который никогда не притеснял подчиненных ему людей. Он действительно вел несколько бурный образ жизни, говорили люди, бросал без толку деньги и кутил, но это гораздо лучше, чем быть скрягой и низким человеком, как «иные», и притеснять бедных ленников.

Дошло до того, что, когда мистер Генри проезжал как-то по дороге, женщина, бывшая в близких отношениях с его братом и имевшая от него ребенка, но, несмотря на это, не получившая от него никакого вознаграждения, бросила проезжавшему мимо нее мистеру Генри камень прямо в лицо и закричала:

– Скажи мне, где мой веселый, молодой возлюбленный?

Мистер Генри подтянул поводья, и в то время, как кровь потекла из его раненой губы, взглянул на женщину и ответил:

– Ах, это ты, Джесс? И ты туда же. А я думал, что ты меня лучше знаешь.

– Что ты сделал с ним?

Она бросила в него камень, тогда как он, именно он помог ей деньгами, когда она была в нужде.

Она подняла с земли второй камень, чтобы швырнуть его также в мистера Генри. Тот для того, чтобы защититься, поднял руку, в которой он держал хлыст.

– Как вы решаетесь бить меня, меня, беззащитную девушку! – закричала Джесси и бросилась бежать, крича при этом так громко и жалобно, как будто мистер Генри ударил ее.

На следующий день после этого по всему поместью прошла молва о том, что мистер Генри побил Джесси Броун, и так сильно, что она чуть-чуть не умерла.

Я рассказываю об этом факте нарочно, чтобы показать, до какой степени клевета может распространяться и до каких гигантских размеров она может пойти. Вскоре о моем бедном мистере Генри рассказывали уже столько небылиц и ему до такой степени испортили репутацию, что он не желал даже больше выходить из дому и, подобно своему отцу, целыми днями просиживал в комнате.

Несмотря на все неприятности, которые мистеру Генри приходилось переносить, он отцу ни на что не жаловался; он не желал говорить об этом с лордом, так как причина, из-за которой неприятности возникли, была чересчур печальна. Его обвиняли в подлом поступке, а он был слишком горд, чтобы жаловаться или оправдываться, а когда он не желал о чем-нибудь говорить, то обладал удивительной способностью молчать.

Я уверен, что старик-отец слышал о толках, которые ходили о его сыне; не может быть, чтобы Джон Поль или кто-нибудь другой не сообщил ему об этом, кроме того, он, наверное, заметил перемену в образе жизни мистера Генри, но он также не говорил об этом с сыном. По всей вероятности, он не знал, что ненависть простого народа к мистеру Генри дошла уже до невозможных пределов, иначе он непременно вмешался бы в это дело.

Что касается мисс Алисон, то она никогда не слушала новостей, и если какая-нибудь новость и доходила до нее, весьма мало интересовалась ею.

Как раз во время самого разгара этих неприятных действий против мистера Генри, которые возникли так же скоро, как они впоследствии прекратились, в Деррисдир пришла весть о том, что в городе С.-Брайде, стоящем на реке Свифте, ближайшем от Деррисдира

городе, назначено экстренное собрание важнейших представителей государства. Поводом к этому собранию послужил, если я не ошибаюсь, слух о каком-то готовящемся в ближайшем будущем мятеже. Говорили, что собрание это будет бурное, что оно не кончится раньше ночи, и шериф распорядился даже, чтобы к этому дню в С.-Брайд был вызван из Демфриса отряд солдат.

Старик-лорд решил, что сын его Генри непременно должен отправиться на это собрание, уже ради того, чтобы поддержать честь семейства Деррисдиров.

– Если ты будешь отсутствовать, – сказал милорд, – то могут подумать, что мы в нашей стране не имеем никакого значения.

– Обязанность, которую вы возлагаете на меня, отец мой, я, к сожалению, не могу взять на себя, – ответил мистер Генри, – так как, скажу вам всю правду, я не могу показаться перед народом, чтобы не наткнуться на грубость и неприятности.

– Вы первый из этого семейства, который вынужден признаться в том, что его ненавидят! – закричала мисс Алисон.

– В таком случае мы поедem в город втроем, – сказал милорд и в первый раз в течение четырех лет велел подать себе сапоги.

Джон Поль до такой степени отвык обувать лорда, что с трудом напялил на него сапоги. Мисс Алисон надела свой костюм для верховой езды, и они все трое поехали верхом по дороге в С.-Брайд.

Дорога была полна разного шатавшегося народа. Как только толпа увидела мистера Генри, она принялась свистеть, орать и горланить во все горло: «А, Иуда, куда ты дел мастера Баллантрэ? Скажи, где бедные молодые люди, которые отправились в поход вместе с ним?»

Кто-то решился даже бросить в мистера Генри камень, но толпа набросилась на злоумышленника и пристыдила его, указывая на ехавших рядом с ним старика-лорда и мисс Алисон.

Не прошло и десяти минут с тех пор, как лорд выехал, как он уже убедился в том, что мистер Генри был прав и что ему не следовало показываться на улице. Он не сказал ни слова, но повернул лошадь и, опустив голову на грудь, уехал с сыном и родственницей обратно домой.

Мисс Алисон также не сказала ни одного слова, но мысли ее, без сомнения, были сильно заняты только что случившимся происшествием. Гордость ее страдала, так как и она была из рода Дьюри, и ей было жаль ее родственника, с которым так несправедливо и грубо обращались.

Всю следующую после этого события ночь она провела без сна.

Ее за многое нельзя было не осуждать, но за то, что она в эту ночь так страдала, ей можно было простить ее прежние несимпатичные поступки.

Когда настало утро, она первым делом отправилась к старику-лорду и, усевшись рядом с ним на свое обычное место, сказала:

– Если Генри все еще любит меня, то я согласна выйти за него замуж. – К мистеру Генри она обратилась со следующими словами: – Любви, Генри, я дать вам не могу, но Бог свидетель, я от всей души жалею вас.

Первого июня 1748 года они повенчались. В декабре этого самого года я в первый раз переступил порог дома лорда Деррисдира, и все, что после этого дня случилось в этой семье, произошло при мне, я очевидец всего происшедшего.

Глава II

Перечень событий

(Продолжение)

В холодный туманный день в конце декабря я оканчивал путешествие, которое предпринял. Кто мог быть моим проводником во время этого путешествия, если не Пэти Макморланд, брат Тэма! Несмотря на то, что это был десятилетний мальчишка, он рассказал мне такое множество грязных сплетен, каких я в жизни еще никогда не слышал. Он заимствовал их, очевидно, у своего брата. Я в то время был еще молодым человеком и поэтому не мудрено, что мое любопытство было сильнее гордости. Я желал бы видеть человека, который, странствуя долго и в такую холодную погоду, не заинтересовался бы рассказами о людях, живших или живущих в той стране, в которой он сам собирается жить, тем более, когда ему показывают даже те места, где то или другое событие случилось.

Пока мы проходили мимо болота, я наслушался уже вдоволь рассказов о том, что случилось в Клавергаузе, а когда мы очутились на опушке леса, я знал уже множество чертовских рассказов. Когда мы прошли мимо аббатства, я слушал рассказы о старых монахах и свободных торговцах, которые поселились в его развалинах и устроили там себе кладовую. Чтобы легче сбывать свои товары, торговцы эти поселились на расстоянии пушечного выстрела от поместья Деррисдир. О жителях же этого поместья, а в особенности о бедном мистере Генри мальчишка рассказывал мне больше всего и говорил он о них только дурное.

Слушая рассказы мальчугана, я получил такое сильное предубеждение против семейства, которому я собирался служить, что был крайне удивлен, когда я увидел перед собой, под Аббатским холмом, пресимпатичное поместье, расположенное на берегу защищенного от ветра залива. Поместье это и было поместьем лорда Деррисдира. Дом, в котором жил лорд, был выстроен во французском или итальянском стиле, я не знаток в этом деле, и производил очень хорошее впечатление, а окружен он был такими роскошными садами, лужайками и кустарниками, каких я никогда еще не видел.

Содержание этих роскошных садов и цветников требовало больших расходов, и деньги эти могли бы быть употреблены с большей пользой для семейства, если бы их потратили на то, чтобы выкупить поместье.

Мистер Генри сам вышел ко мне навстречу, чтобы приветствовать меня. Это был высокий, темноволосый молодой человек (все Дьюри-Деррисдир были брюнеты), с открытым, но невеселым лицом, атлетического телосложения, но, кажется, не особенно крепкого здоровья. Он, нисколько не гордясь, взял меня за руку и, ласково разговаривая со мной, втянул меня вслед за собой в дом. Он не дал мне даже снять моих дорожных сапог, а повел меня прямо в зал и представил меня своему отцу.

Было еще светло, и первое, что мне в комнате бросилось в глаза, был ромб из белого стекла в середине щита, нарисованного на раскрашенном окне, который, как мне казалось, портил впечатление, производимое красивым, роскошным залом с висящими на стенах портретами, раскрашенными потолками и высеченным из мрамора камином, у которого милорд сидел и читал своего «Ливия».

У него было такое же открытое лицо, как и у его сына, мистера Генри, но он был только несколько худощавее и еще любезнее.

Он, как мне помнится, задал мне множество вопросов, осведомился у меня относительно Эдинбургской коллегии, где я кончил курс, и расспрашивал меня о различных профессорах, с которыми, равно как и с их специальностью, он был, как я заметил, хорошо знаком, и, таким

образом, я, разговаривая с ним о хорошо известных мне предметах, в самом скором времени почувствовал себя на новом месте как дома.

В то время, как мы разговаривали, в комнату вошла миссис Генри. С первого взгляда она показалась мне не особенно красива, вероятно, вследствие того, что была очень полна, так как в скором времени ожидала пополнения семейства. Она была со мной также очень любезна, но держала себя более гордо, чем другие. Во всяком случае, в неприветливости ее упрекнуть нельзя было, и поэтому я почувствовал к ней также известного рода симпатию, хотя менее сильную, чем к лорду и мистеру Генри.

Прожив короткое время в доме лорда Деррисдира, я уже не верил ни одному из тех рассказов, которые я слышал из уст Пэти Макморланда, и я искренно привязался к семейству, в котором поселился. Эту привязанность я сохранил в моем сердце на всю жизнь. Больше всех я любил мистера Генри. С ним я постоянно работал (я был приглашен в дом лорда с той целью, чтобы помогать ему работать), и с ним заниматься было чрезвычайно приятно, несмотря на то, что он относился ко мне во время занятий довольно строго. В свободное же от занятий время он был со мной необыкновенно ласков и любезен и обращался со мной не как со своим секретарем, а как с себе равным.

Прошло уже довольно много времени с тех пор, как я поступил к нему в дом в качестве секретаря, когда он, в то время как мы занимались с ним, поднял голову от бумаги, над которой он сидел, и каким-то робким голосом сказал:

– Я должен сказать вам, мистер Маккеллар, что вы работаете очень хорошо.

Это было первое слово похвалы, которой я удостоился, и с этого дня я приобрел в доме репутацию в высшей степени знающего и толкового человека. Сам мистер Генри перестал с тех пор наблюдать за моими занятиями и предоставил мне полную свободу действий, и вскоре я начал пользоваться не только его доверием, а доверием всей его семьи, и я только и слышал: «Ах, это надо поручить мистеру Маккеллару», «Ах, это сделает мистер Маккеллар, он такой умный, такой ловкий, дельный» и прочее, и прочее.

Во время своего пребывания в доме лорда Деррисдира я действительно очень часто давал членам семьи советы и, должен сказать, весьма удачные.

К мистеру Генри я чувствовал особенную симпатию, ясно было, что он был несчастлив, и поэтому я очень жалел его. Он порою целыми часами просиживал в мрачном раздумье, устремив глаза на какой-нибудь счет, лежащий перед ним, на страницу счетной книги или же в пространство. Выражение его лица делалось при этом такое печальное и такое напряженное, что, глядя на него в такие минуты, я чувствовал к нему особенное сожаление. Порою мною овладевало также любопытство: мне интересно было знать, что мучило этого человека.

Один раз как-то мы сидели с ним в его рабочем кабинете. Комната эта находилась в верхнем этаже дома. Вид оттуда был очень красивый, прямо на залив, на маленький мыс, поросший лесом, и на плоский песчаный берег. На этом берегу со своими лошадьми и товарами расположились торговцы и, освещенные заходящим солнцем, весело бегали взад и вперед.

Мистер Генри стоял у окна и смотрел на запад; насколько я мог заметить, солнце насколько не мешало ему смотреть, но, несмотря на это, он провел рукой по лбу и по глазам, как будто что-то мешало ему смотреть, и, повернувшись ко мне, улыбнулся и сказал:

– Вам, я думаю, и в голову не приходит, о чем я только что думал. Я думал о том, насколько бы я был счастливее, если бы я мог, подобно этим торговцам, бегать и ездить по свету, добывая себе этим хлеб.

Я ответил ему на это, что, насколько я мог заметить, он мучит себя совершенно напрасно мрачными мыслями, что завидовать другим людям не следует, так как неизвестно, насколько они счастливы, и указал ему даже на одно изречение Горация, где он высказывался по поводу зависти. Мне было легко найти подходящее изречение, так как я только недавно покинул коллегия и еще твердо помнил всевозможные цитаты из древних классиков.

– Пожалуй, вы правы, – ответил он. – Итак, займемся лучше снова нашими счетами.

Имея изо дня в день дело с мистером Генри, я начал понимать, что его вечно беспокоит тень мастера Баллантрэ. На самом деле, надо быть слепым, чтобы, живя в этом доме, не видеть этого. Живой или мертвый (в то время все полагали, что он мертв), человек этот был соперником своего брата: его соперником в чужой стране, так как, где бы мастер Баллантрэ ни находился, он всюду чернил брата, и его соперником на его родине и даже дома в отношении отца, жены и даже прислуги.

В доме лорда было двое старых слуг, которые принадлежали к двум различным партиям: один из них стоял за мастера Баллантрэ и был врагом мистера Генри, а другой стоял за мистера Генри и был врагом мастера Баллантрэ. Первый из них, Джон Поль, маленький, лысый и дородный человек, с крайне важным видом, богобоязненный и необыкновенно преданный слуга, страстно любил покойного мастера Баллантрэ и ненавидел мистера Генри. Никто не смел позволить себе того, что позволял себе Джон. В своей ненависти к мистеру Генри он забывался до такой степени, что осмеливался явно выказывать ему свое презрение.

Милорд и мистер Генри делали ему, разумеется, за это выговоры, но не настолько строгие, как он, по моему мнению, заслуживал, и ему стоило только скорчить гримасу, сделать вид, как будто он плачет, и начать сетовать о том, что его дорогого «барчука», как он называл мастера Баллантрэ, нет, и все дерзости ему прощались.

Что касается мистера Генри, то он по большей части не обращал внимания на дерзкие выходки Джона и отвечал ему на это лишь печальным и угрюмым взглядом. Соперничать в любви с покойным братом он не желал, а бранить или уволить старика за его преданность к покойному он не решался: у него не хватало на это энергии.

Второй старый слуга был Макконоки. Он был большой сплетник, любил клясться и божиться, вечно орал, ругался и очень часто был пьян. Когда Джон и Макконоки начинали спорить о мастере Баллантрэ и о мистере Генри, то они увлекались до такой степени, что обнаруживали даже в споре свои собственные пороки и достоинства, приписывая свои достоинства тому лицу, за которое они стояли, и свои пороки тому, которое они бранили. Макконоки очень скоро «пронюхал», что я симпатизирую мистеру Генри, и начал со мной откровенничать, отрывая меня даже порой от моих занятий.

– Вы не знаете, что это был за человек, этот хваленый мастер Баллантрэ, – говорил он. – Черт его побрал, и да будет он проклят! – кричал он. – Если бы он не родился, то мистер Генри был бы не мистером Генри, а мастером Баллантрэ, наследником поместья. Быть может, вы воображаете, что в то время, как он был жив, кто-нибудь его любил? Вовсе нет. Да и за что же? Никто не слыхал из его уст ни одного ласкового слова. Он вечно только бранился, насмехался над всеми и говорил сальности. И это джентльмен, черт бы его побрал! А что это был за безнравственный молодой человек, что за ужасный развратник, просто срам!

– Вы, быть может, слышали когда-нибудь о Вулли Уайте? Слышали? Нет? Ну, видите ли, Вулли был, как говорят, очень благочестивый человек, в высшей степени благочестивый, но, несмотря на это, я никогда не мог смотреть на него равнодушно, он всегда был мне противен. Говорят, что он время от времени позволял себе делать выговор мастеру Баллантрэ за бурный образ жизни, который он вел. Мастеру Баллантрэ надоело выслушивать замечания благочестивого Вулли, и он решил отомстить ему. Хорошее намерение, не правда ли? – спросил Макконоки, скаля зубы. – И что же он сделал? – продолжал он. – Он подкрался к дому, в котором жил Вулли, и закричал: «Бу-у!..», бросил ему в окно горящие ракеты, а в камин на горящие головешки порох. Вулли, вообразив, что к нему лезет черт, до такой степени испугался, что не мог двинуться с места, а мастер Баллантрэ все подбрасывал да побрасывал в камин порох. Наконец, Вулли взмолился и начал просить пощады, и только после того, как злодей наслаждался вдоволь мучениями своего ближнего, он оставил его в покое.

– Спросите Джона Поля, он был свидетелем этой жестокой шутки, и несмотря на то, что он души не чаял в мастере Баллантрэ, он, как христианин, возмущился этим издевательством над другим христианином.

Я спросил Макконоки, не знает ли он, чего, собственно, мастер Баллантрэ желал достигнуть, действуя таким образом.

– Где же мне знать? – ответил старик. – Мастер Баллантрэ никогда об этом не говорил. – Затем, скаля снова зубы и, по обыкновению, изрыгая проклятия и подтверждая слова своей клятвой, он бормотал себе под нос о том, что и когда происходило в этом доме и в каких дурных делах был замешан мастер Баллантрэ.

Во время одной из таких бесед Макконоки показал мне письмо, которое мисс Алисон посылала мастеру Баллантрэ и которое тот выронил. На этом письме ясно виднелись следы копыт прошедшей по нему лошади.

Это была моя последняя беседа с Макконоки, так как во время ее он позволил себе отзывать о миссис Генри до такой степени гадко и непозволительно, что я решил с тех пор держать его на почтительном от себя расстоянии.

Милорд был удивительно ласков с мистером Генри, он часто благодарил его за его хлопоты по имению и за его заботливость об отце и, ласково хлопая по плечу, громко говорил:

– Он у меня добрый, хороший сын.

Милорд был человек умный и справедливый, и поэтому он не мог не признавать заслуг своего сына и был ему действительно от души благодарен. Но, насколько я мог понять, благодарность было единственное, что милорд мог дать своему сыну Генри, вся же любовь его принадлежала покойному Джемсу. Мистер Генри знал это, по всей вероятности, так же хорошо, как и я. Я же, несмотря на ласковое обращение милорда с мистером Генри, убедился в том, что он любил покойного сына больше, чем живого, совершенно случайно, по некоторым словам, которые сказал мне как-то милорд.

Старик спросил меня, ладим ли мы с мистером Генри и довольны ли мы друг другом. Я ответил ему, разумеется, правду, и сказал, что мы ладим великолепно.

– Да, да, – сказал на это милорд, поглядывая на огонь в камине, – да, да, оно и не может быть иначе, он добрый малый, он очень добрый малый. А слышали вы, мистер Маккеллар, что у меня был еще другой сын? Он был менее дельный, чем его брат, и, быть может, менее нравственный, но я любил его, очень любил. Он умер. Но когда он был жив, мы все гордились им, очень гордились. Если б он не погиб, то из него, наверное, вышел бы удивительный человек, я уверен в этом... и все любили его больше, чем мистера Генри. – Последние слова он сказал, устремив грустный, задумчивый взгляд на пылавший в камине огонь. Затем, помолчав с минуту, он обратился ко мне и с некоторой живостью сказал: – Впрочем, я рад, я чрезвычайно рад, что вы в хороших отношениях с мистером Генри, он вас никогда не обидит.

С этими словами он открыл книгу, которую держал в руках, и это было признаком, что он не желает больше разговаривать.

Но едва ли милорд читал со вниманием и едва ли он понимал, что читал. Мне кажется, что его мысли, равно как и мои, были заняты сражением при Куллодене и смертью мастера Баллантрэ.

После этого разговора с милордом в сердце моем зародилось неприязненное чувство к старику-отцу, любившему недостойного сына больше достойного, и я стал питать даже некоторую злобу на умершего мастера Баллантрэ. Моя привязанность к мистеру Генри была настолько велика, что я сердился на тех, которые его не любили.

Скажу теперь несколько слов о миссис Генри. Быть может, я буду судить ее строже, чем она этого заслуживает, не знаю, пусть читатель решит этот вопрос, когда прочтет эту книгу, но мне кажется, что мое суждение беспристрастно.

Но раньше, чем писать о миссис Генри, я должен упомянуть об одном маленьком эпизоде из моей жизни в доме лорда, благодаря которому я сблизился еще больше с его семьей и сделался его поверенным, а также и поверенным его сына.

Я находился приблизительно с полгода в семействе лорда Деррисдира, когда Джон Поль заболел и слег в постель. По моему мнению, он заболел от пьянства, но те, которые ухаживали за ним, уверяли, что он ничего и в рот не берет, и смотрели на него чуть ли не как на святого, поэтому я, не имея никаких доказательств истины моих предположений, молчал и не говорил о том, что я думал. На третье утро после того, как Джон заболел, мистер Генри вошел ко мне в комнату и, глядя на меня каким-то смущенным взглядом, сказал:

– Маккеллар, не можете ли вы оказать мне маленькую услугу? Видите ли, мы платим одной особе пенсию, и Джон обыкновенно относит эту пенсию той личности, которая получает ее от нас, но так как Джон болен, то я решительно не знаю, кому мне дать это поручение, в случае, если бы вы отказались его исполнить. Дело это семейное, и я могу поручить исполнение его только такому человеку, которому я доверяю. Я снес бы эти деньги сам... но в силу некоторых обстоятельств я не могу это сделать. Макконоки болтун, его я также послать не могу, а между тем у меня есть причина... я не послал бы... ну да, я не желал бы, чтобы об этом узнала моя жена.

Сказав эти слова, он сильно покраснел.

Когда я узнал, что мне поручают отнести пенсию какой-то простой девушке, по имени Джесси Броун, я подумал, что мистер Генри, так сказать, «вознаграждает» ее за свои бывшие грешки, и поэтому, когда мне стало известно, что он расплачивается за грехи другого, я крайне удивился.

Дом, в котором жила Джесси Броун, находился в маленькой отдаленной улице С.-Брайда. Улица эта была довольно пустынная и была населена преимущественно торговцами. Перед самым входом в дом стоял человек с повязанной головой, а неподалеку от дома находилась харчевня, из которой, несмотря на то, что не было еще девяти часов утра, раздавались шум, гам и гиканье пьяных парней.

Никогда в жизни я не видел еще так рано поутру такой противной картины, свидетельствовавшей о пьянстве и разгуле; даже в таком большом городе, как Эдинбург, мне не случилось этого видеть, и я готов был бежать из этой части города, до такой степени мне неприятно было оставаться там.

Комната, в которой жила Джесси, была настолько же грязна и неприветлива, как и вся обстановка, которая ее окружала, и сама она имела такой же грязный и к тому же растрепанный вид.

Она не соглашалась дать мне расписку в получении денег (мистер Генри был чрезвычайно аккуратен и поручил мне потребовать с нее расписку), раньше чем я не согласился выпить вина и чокнуться с ней, и в продолжение всего времени, которое я пробыл там, она держала себя удивительно развязно, корчила из себя то важную барыню, то бойкую, чрезмерно веселую поселянку и ни на минуту не переставала заигрывать и кокетничать со мной. Мне положительно противно было смотреть на нее.

Когда я передал ей деньги, она приняла трагический вид и сказала:

– Ага, это те деньги, которыми желают заглавить кровавое преступление! Это деньги крови. О, если бы только мой молодой, веселый барин был жив, все было бы совершенно иначе! Но он убит, он лежит в земле, под холмом. Мой бедный веселый барин!

Повторяя «мой бедный веселый барин», она принялась кричать, и в то время, как она, подняв руки и выворачивая глаза, устремила их в пространство, она производила впечатление актрисы, крайне неестественно исполнявшей свою роль. По всей вероятности, она видела игру какой-нибудь актрисы и теперь подражала ей.

Ее жалобы ничуть не трогали меня, а когда она, взяв в руку расписку, энергичным движением подписала свое имя и, воскликнув: «Вот вам!», швырнула мне ее и затем разразилась площадными ругательствами, я почувствовал к ней прямо-таки отвращение. Слушать, как из уст женщины выходили подобные неженственные слова и как она называла моего патрона Иудой-предателем, который послал меня к ней, было мне до такой степени противно, что я поспешил оставить дом, в котором она жила. В первый раз в жизни я слышал, как мистера Генри называли Иудой, и я был поражен нахальством этой отвратительной женщины.

Я уж совсем собрался уходить, а она все еще не переставала ругаться, так что я под градом ругательств, словно собака под дождем палочных ударов, вынужден был дойти до того места, где стояла моя лошадь.

Даже тогда, когда я садился уже на лошадь и собирался отправиться в путь, Джесси все еще не могла успокоиться и, высунувшись из окна, посылала мне вслед ругательства, в то время как вышедшие из харчевни торговцы осыпали меня насмешками. Один из них натравил на меня злую, но небольшую собаку, и та укусила меня за ногу.

Это был для меня хороший урок избегать в будущем дурного общества, хотя в том, что я попал в это общество, в этот раз я вовсе не был виноват. Страдая от боли в ноге и в самом дурном расположении духа, я отправился домой.

Когда я вернулся домой, мистер Генри был в своем рабочем кабинете. Казалось, будто он очень занят делами, но по выражению его лица я тотчас убедился, что мысли его были заняты вовсе не работой, и что он был встревожен.

– Хорошо, что вы вернулись, – сказал он мне, когда я вошел к нему, и тотчас спросил меня, как Джесси приняла меня.

Я рассказал ему обо всем, что произошло, и сказал, что, по моему мнению, Джесси дерзкая и неблагодарная женщина, не застуживающая, чтобы о ней заботились.

– Да, Джесси относится ко мне крайне недружелюбно, – сказал мистер Генри, – да и, говоря откровенно, мистер Маккеллар, я не могу похвастаться тем, что у меня много друзей. А Джесси имеет основание питать ненависть к нашему семейству. Я не могу скрывать то, что знает весь свет: один из членов нашей семьи обманул ее. – Это было в первый раз, когда он вскользь намекнул о поведении своего брата; намек этот, по-видимому, невольно сорвался у него с языка, потому что он тотчас прибавил: – Забудьте о том, что я сказал, пусть это останется между нами. Мне не хотелось бы, чтобы об этом говорили, так как это будет неприятно миссис Генри... и моему отцу.

При этих словах он покраснел так же сильно, как в ту минуту, когда он дал мне поручение.

– Мистер Генри, позвольте мне дать вам добрый совет, – сказал я. – Не давайте денег этой женщине. Ну, согласитесь сами, надолго ли ей хватит вашей пенсии? Такого рода женщины, как она, не знают цены деньгам. Она протранжирует все, что вы ей прислали, в один день. И вы воображаете, что она будет вам благодарна? Вовсе нет. Вы благодарности от нее никогда не добьетесь. Ваша щедрость не приведет ни к каким результатам, за исключением разве того, что ваших посланных будут травить собаками, и те будут кусать им ноги.

Мистер Генри улыбнулся.

– Мне чрезвычайно жаль, что вас укусила собака, – сказал он тоном искреннего сожаления.

– Имейте в виду, что то, что я говорю вам, суцая правда, – сказал я, – я сам был свидетелем, что это за безнравственная, скверная женщина. Сначала, когда я увидел ее, она также показалась мне жалкой, но когда я понял, что это за личность, я почувствовал к ней отвращение.

– Она, безусловно, падшая женщина, – сказал мистер Генри, – а так как мне известно, что виною ее первого падения был член нашей семьи, то я считаю своей обязанностью ей помочь. Хотя я мало говорю о своем семействе, я все-таки забочусь о его репутации.

Сказав это, он замолчал. Это был первый интимный разговор, который мы с ним вели.

В тот же день после обеда я имел случай убедиться в том, что отцу мистера Генри отлично известна любовная интрига сына с Джесси Броун, и что если мистер Генри секретничал, так только из-за своей жены.

– Вы исполнили сегодня весьма неприятное поручение, – сказал милорд, обращаясь ко мне, когда я вошел к нему, – и я считаю долгом поблагодарить вас за вашу любезность, тем более, что исполнение подобных поручений отнюдь не входит в число ваших обязанностей. В то же время я обязан предупредить вас, в случае, если мистер Генри этого не сделал, что мне крайне желательно, чтобы моя невестка не узнала об этом ни слова. Разочароваться в своем мнении о живых неприятно, а знать, что честь покойного чем-нибудь запятнана, вдвойне неприятно.

Слова милорда возбудили в душе моей гнев. Я готов был сказать ему в лицо, как дурно он поступает, что старается поддерживать в миссис Генри фальшивое убеждение в непорочности ее бывшего идола. С этой минуты я ясно понял, какого рода отношения существовали между миссис Генри и ее мужем и кто был дорог ее сердцу.

Написать рассказ о виденных или слышанных мною событиях я могу, но в точности передать все мелочи семейной жизни, передать интонации голосов, выражение взглядов и малейшие движения души мистера Генри и его супруги не берусь, так же как не могу на какой-нибудь страничке ясно изложить все малейшие подробности восемнадцатимесячной совместной жизни двух супругов. Могу сказать, что в том, и в этом супружестве не было согласия, виновата была миссис Генри. Она воображала, что, выйдя замуж за мистера Генри, совершила удивительный подвиг, и играла роль какой-то мученицы. К сожалению, в этой совершенно неправильной мысли милорд поддерживал ее. Она считала за особенное достоинство со своей стороны, что она, будучи замужем за мистером Генри, все еще питала любовь к его покойному брату, и хвасталась своим постоянством.

В этом отношении милорд, опять-таки к крайнему сожалению, также поддерживал ее. По всей вероятности, он рад был, что мог разговаривать с кем-нибудь о своем любимом сыне и сетовать о своей потере, тем более, что с мистером Генри он не решался говорить о нем и восхвалять достоинства покойного, которых вовсе не существовало. Кончилось тем, что милорд и миссис Генри образовали как бы оппозиционную партию против мистера Генри, и мистер Генри был словно исключен из своего собственного семейства.

Лорд Деррисдир имел привычку, как только он кончал обедать, подсесть к камину и выпить стаканчик вина. Когда миссис Генри была еще девицей, она обыкновенно брала скамеечку и в то время, как милорд выпивал свое вино, усаживалась у его ног и болтала с ним. То же самое она продолжала делать после того, как вышла замуж за мистера Генри.

Если бы мне не было обидно за мистера Генри, то я, быть может, любовался бы, глядя на старика-лорда, так ласково беседовавшего со своей дочерью, но так как я любил своего патрона, то не мудрено, что с виду крайне привлекательная картина возбуждала в моем сердце лишь одно негодование. Случалось, что мистер Генри, вооружившись мужеством, присаживался к жене и милорду, но те, хотя и не решались выслать его, говорили с ним таким принужденным тоном и так неестественно улыбались, что он, ясно сознавая, что они, стараясь быть с ним любезны, делают над собой усилие, спешил уйти от них и перейти в тот конец комнаты, где находился я. Зал был до такой степени велик, что оттуда, где мы сидели, невозможно было расслышать, что лорд и миссис Генри говорили, и до нашего слуха доносилось лишь непонятное бормотание.

Тут он сидел и прислушивался к бормотанью, а я сидел рядом с ним и также прислушивался, и когда время от времени милорд грустно покачивал головой и клал свою руку на голову миссис Генри, или же она клала свою голову к нему на колени, как бы желая оказать ему особенную ласку, или же когда они смотрели друг на друга глазами, полными слез, мы могли быть уверены, что разговор перешел на любимую тему и что тень покойного витала в той комнате, где мы находились.

Порой я сердился на мистера Генри за то, что он переносил так терпеливо все выходки своей жены, но когда я узнал, что она вышла за него замуж только из жалости к нему, я понял, почему он не позволял себе выражать какие-либо претензии.

Да на самом деле, мистеру Генри крайне трудно было настаивать на чем бы то ни было. Я помню, например, такой случай.

Мистер Генри заметил, что в одном из окон дома цветное стекло загрязнилось, и сообщил своей жене, что он намерен заменить это стекло. Как оказалось, окно это, с разноцветными стеклами, особенно нравилось покойному мастеру Баллантрэ, и поэтому миссис Генри при одном намеке на то, что в том окне, которое нравилось брату ее мужа, муж ее желает что-либо изменить, покраснела от злости и закричала:

– Я удивляюсь, как вы осмеливаетесь даже думать об этом!

– Да, я действительно удивляюсь самому себе, – ответил мистер Генри с такой горечью в голосе, какой я никогда еще у него не слышал.

Разговор этот происходил за обедом, и, к счастью, старик-лорд вмешался в спор супругов и начал беседовать о чем-то другом, так что к концу обеда, как я воображал, мистер Генри и миссис Генри забыли о первоначальной теме разговора. Но на самом деле это было не так. После того, как мы встали из-за стола, милорд по обыкновению уселся со своей невесткой у камина, а мы с мистером Генри на другом конце комнаты, и оттуда мы видели, как миссис Генри, положив голову на колени милорда, горько плакала.

Мистер Генри принялся разговаривать со мной по поводу различных хозяйственных вопросов. Он почти никогда не говорил со мной иначе, как о письменных или хозяйственных делах, и вообще был плохим собеседником, но в этот день он разговаривал много и довольно оживленно и при этом не отрывал своего взгляда от жены и отца, сидевших у камина, и голос его звучал совсем иначе, чем обыкновенно, хотя нельзя сказать, чтобы в нем было более веселости.

Стекло в окне не заменили, мистер Генри не решился заменить его, хотя я уверен, что его самолюбие страдало от этого нового поражения.

Но, несмотря на все поражения, которые он терпел, он оставался в обращении с женой все таким же терпеливым и даже любезным. Я сказал бы, слишком любезным. Если бы я был женат и моя жена позволила бы себе обращаться со мной с таким пренебрежением, то моя гордость возмутилась бы против такого поведения; мистер Генри же, кажется, считал за счастье, что она смотрит на него как на своего раба. Она держала его в подчинении, поступала с ним как с ребенком: она то звала его к себе, то отгоняла его, то бранила его, то прощала, то обращалась с ним холодно, но любезно, то делала ему выговоры, уязвляла его и прикидывалась оскорбленной. Когда она считала нужным прибегать к строгости, она смотрела на него холодным взглядом, и он, понимая значение этого взгляда, тотчас подчинялся ей; когда же она находила нужным быть ласковой, то она умела прикинуться такой внимательной и любезной, как будто за время своего замужества только и делала, что расточала свои ласки.

Но, несмотря ни на какие выходки с ее стороны, он оставался любящим и нежным мужем. Любовь к ней ясно выражалась в его глазах, и он любил ее так сильно, что, как очень многие говорили, ему была дорога даже та земля, по которой она ступала.

Когда миссис Генри собиралась произвести на свет ребенка, она потребовала, чтобы муж в продолжение всего времени, пока это происходило стоял у изголовья ее кровати и несмотря

на то, что, как мне говорили, он, глядя на ее страдания, бледнел как полотно, что пот градом лил с его лица, и он, не зная, что ему делать, скомкал свой носовой платок и свернул его в шарик величиной с ружейную пулю, он не смел отойти от постели раньше, чем не родилась его дочь, Катарин. После этого он в продолжение нескольких дней не мог выносить вида ребенка, да и впоследствии никогда не чувствовал к нему той нежной отцовской привязанности, которую он чувствовал бы, если бы не присутствовал при его рождении и не видел бы, какие страдания причиняло его появление на свет любимой им женщине.

Вот как обстояли дела в семействе лорда Деррисдира до 7 апреля 1749 года, до дня, положившего начало событиям, разбившим столько сердец и погубившим столько жизней.

В этот день я незадолго до ужина сидел в своей комнате, когда Джон Поль, не потрудившись, из вежливости, даже постучать, вбежал ко мне и сообщил мне, что пришел какой-то господин и желает непременно видеть секретаря. При слове «секретарь» он насмешливо улыбнулся.

Я спросил, что это за человек и как его зовут, и таким образом узнал, почему Джон Поль пришел в такое дурное расположение духа. Как оказалось, незнакомец не желал назвать себя по имени, и это страшно оскорбило мажордома.

– Хорошо, – сказал я, слегка улыбаясь, – я пойду и спрошу его, что ему нужно.

Я вышел в приемную и увидел там толстого, коренастого мужчину, закутанного в дорожный плащ и, по-видимому, вернувшегося из далекого путешествия. Неподалеку от него, с открытым от удивления ртом, стоял Макконоки и, потирая подбородок, смотрел на незнакомца, который, со спущенным на лицо капюшоном, ждал моего появления.

Как только он увидел меня, он подошел ко мне и заискивающим тоном сказал:

– Мой дорогой сэр, тысячу раз извиняюсь, что потревожил вас, но я нахожусь в крайне неловком положении. Мне дано поручение, исполнение которого доставляет мне некоторое затруднение, потому что... потому что... Но надеюсь, что вы, сэр, живя в доме лорда и неся на себе даже некоторую ответственность, не относитесь враждебно к какой бы то ни было партии? Я, по крайней мере, так полагал, и поэтому и осмелился обратиться к вам.

– Вы можете быть совершенно спокойны, – сказал я, – тот, кто переступил порог дома лорда Деррисдира, не рискует ничем, к какой бы партии он ни принадлежал.

– Я был в этом уверен, я был в этом уверен, – сказал незнакомец, – иначе бы я не решился явиться сюда. Видите ли, в чем дело. Ко мне нынче утром на корабль явился человек, фамилию которого я теперь не могу припомнить, но весьма достойный, хороший человек, могу вас уверить в этом, и попросил меня исполнить одно поручение. Человек этот, явившись ко мне, рисковал даже своей жизнью, и я должен сказать вам откровенно, мистер... мистер... виноват, я забыл вашу фамилию, я помню только, что фамилия крайне благозвучная... ну, одним словом, с моей стороны был также большой риск, что я взял на себя это поручение и явился сюда. Моя жизнь много раз была в опасности, могу вас уверить, и я не боялся за нее, но потерять ее из-за чужого, поручения было бы неприятно. Итак, видите ли, во время сражения при Карлейле я видел одного молодого человека, сына...

– Продолжайте, продолжайте, – сказал я, заметив, что он, взглянув на Макконоки, запнулся, – вы можете говорить вполне откровенно, он вас не выдаст.

– Очень приятно, чрезвычайно приятно это слышать, – сказал незнакомец, – тем более, что я должен сообщить вам мою фамилию, а я знаю, что здесь, в Шотландии, люди, носящие эту фамилию, не пользуются симпатией. Но во всяком случае от вас, от такого джентльмена, как вы, я не желаю ее скрывать и шепну вам ее на ухо: меня зовут Фрэнсисом Бурке, я полковник Бурке, и я, рискуя своей жизнью, приехал сюда, чтобы видеть ваших господ. Извините меня, мой дорогой сэр, за то, что я беспокою вас, но будьте так любезны отправиться к вашим господам и передать им, что полковник Бурке явился к ним, что он привез им от одного джентльмена письма, которые доставят им большую радость.

Полковник Бурке принадлежал к числу ирландцев, составлявших свиту принца. Бурке были известные мятежники, и их в Шотландии ненавидели. Мне представилось поведение старшего сына лорда. Весьма естественно, что шотландцы были крайне удивлены, когда услышали, что мастер Баллантрэ присоединился к свите принца. В то время, как я думал еще об этом, предчувствие истины запало вдруг в мою душу.

– Подождите здесь, – сказал я, отворяя дверь соседней комнаты, – я передам лорду то, что вы мне поручили.

– Очень любезно, очень любезно с вашей стороны, мистер... мистер... Как ваша фамилия? – сказал полковник.

Я быстро поднялся по лестнице и вошел в комнату, где находились милорд, мистер и миссис Генри. Милорд сидел на своем обычном месте у камина, миссис Генри сидела у окна и работала, а мистер Генри, как он делал это часто, ходил взад и вперед по комнате. Посреди комнаты стоял накрытый для ужина стол.

Я вкратце сообщил им о том, что я слышал. Милорд как бы в изнеможении прислонился к спинке кресла, а миссис Генри совершенно машинально вскочила с места. Она и муж ее взглянули друг на друга странным, враждебным взглядом, и в то время, как глаза их встретились, они оба побледнели как полотно. После этого мистер Генри повернулся ко мне и, не говоря ни слова, указал только пальцем на дверь. Я понял, чего он желал, и бросился бежать за полковником.

Когда я в сопровождении полковника вернулся в комнату, я застал милорда, его сына и невестку все в тех же самых позах, в каких они находились, когда я ушел; я уверен, что никто из них во время моего отсутствия не проронил ни слова.

– Милорд Деррисдир, не правда ли? – спросил полковник, кланаясь.

Милорд ничего не ответил, но также поклонился.

– А это, по всей вероятности, нынешний наследник поместья Баллантрэ? – спросил полковник.

– Я никогда не считал себя наследником, – ответил мистер Генри, – я Генри Дьюри.

После этого полковник обратился к миссис Генри и, прижав руку, в которой он держал шляпу, к сердцу и особенно низко и почтительно кланаясь, сказал:

– Не может быть сомнения в том, что я имею честь видеть перед собой обворожительную мисс Алисон, о которой я так много слышал. Такая чудная фигура и такое прелестное личико могут принадлежать только ей.

Муж и жена снова обменялись взглядами.

– Я миссис Генри Дьюри, – ответила она, – урожденная Алисон Грем.

В эту минуту милорд встал со своего места и сказал:

– Я старик, полковник Бурке, и старик слабый, болезненный, и поэтому я прошу вас не мучить меня, а сообщить мне поскорее то, что вы хотите мне сообщить. Быть может, вы принесли мне известие о моем... о моем... – он не решался выговорить слово, но затем совершенно изменившимся голосом произнес: – о моем сыне.

– Мой дорогой лорд, – ответил Бурке, – я отвечу вам коротко и ясно, как солдат: да, я принес вам о нем известие.

Милорд своей дрожащей рукой сделал полковнику знак, чтобы он говорил, но так как тот ничего не отвечал, употребил над собой усилие и спросил:

– Известия хорошие?

– О, самые лучшие, какие только могут быть, – быстро ответил полковник. – Мой дорогой друг и товарищ в настоящее время в Париже и, по всей вероятности, так как мне хорошо известны его привычки, теперь отправляется куда-нибудь обедать. Однако, что я вижу, мне кажется, что прелестнейшей миссис Генри дурно?

Миссис Генри, действительно, была бледна как смерть, и прислонилась к оконной раме, но когда мистер Генри подбежал к ней и хотел поддержать ее, она отшатнулась от него, и по ее телу пробежала дрожь.

– Я совершенно здорова, – произнесла она побледневшими губами.

Мистер Генри остановился, и лицо его приняло строгое и сердитое выражение, но в ту же минуту он обратился к полковнику и сказал:

– Ваше известие несколько поразило миссис Дьюри, но это вполне естественно: она выросла у нас в доме и любит моего брата, как будто это ее родной брат.

Миссис Генри взглянула на своего мужа благодарным взглядом. По всей вероятности, она была довольна его словами, и он заслужил ее одобрение.

– Простите меня, миссис Дьюри, за то, что я причинил вам испуг, – сказал полковник, – но я просто ирландский солдат и заслуживаю, чтобы меня расстреляли за то, что я не сумел сообщить нежной леди более деликатным образом о таком неожиданном и радостном событии. Но вот тут у меня три письма, написанные самим мастером Баллантрэ. Я знаю, что это гениальный человек, и поэтому уверен, что из его писем вы гораздо лучше узнаете о том, что с ним происходило, чем из моих бестолковых рассказов.

Говоря это, он вынул из кармана три письма, подал первое из них лорду, который жадно схватил его, и подошел со вторым к миссис Генри.

Но миссис Генри не взяла и едва слышным голосом сказала:

– Отдайте его моему мужу.

Полковник был живой и решительный человек, но в эту минуту он не знал, как ему поступить.

– Так, так, – сказал он. – Непременно, непременно. Какой я недогадливый, какой недогадливый!

И при этом он все время не выпускал письма из рук и держал его перед миссис Генри.

Наконец мистер Генри протянул руку, и полковнику ничего другого не оставалось, как отдать письмо.

Мистер Генри взял оба письма – письмо, адресованное на его имя и на имя жены, и, сдвинув брови, как бы серьезно думая о чем-то, посмотрел сначала на одну надпись, а затем на другую. Я всегда восторгался его тактом, но в этот раз он превзошел все мои ожидания.

– Позвольте мне вашу руку, – сказал он, подходя к жене. – Неожиданное известие поразило вас, и поэтому я советовал бы вам прочесть письмо, адресованное на ваше имя, в вашей комнате, после того, как вы отдохнете.

Она взглянула на него удивленными глазами, как будто она видит перед собой какое-то чудо, и хотела ответить что-то, но мистер Генри не дал ей на это времени и сказал:

– Последуйте моему совету, я могу вас уверить, что это будет самое лучшее. Полковник Бурке, наверное, извинит вас за ваше отсутствие.

С этими словами он положил ее руку на свою и вместе с ней вышел из комнаты.

Миссис Генри в этот вечер уже не выходила больше из своей комнаты. На следующее утро после этого, как я слышал впоследствии, она отдала мужу письмо нераспечатанным.

– Прочти его, и дело с концом, – сказал он сердитым голосом.

– Избавь меня от этого, – сказала она.

Этими словами они, на мой взгляд, испортили то хорошее впечатление, которое и он, и она произвели друг на друга своим поведением накануне. Письмо же было передано мне, и я сжег его, не распечатав.

Чтобы правильно передать все похождения мастера Баллантрэ после битвы при Куллодене, я, прежде чем написать эту книгу, обратился к полковнику Бурке, ныне кавалеру ордена св. Людовика, и попросил его дать мне сведения, которые меня интересовали, так как много лет прошло с тех пор, как все это происходило, и я за свою память не ручаюсь. Говоря откоро-

венно, я был крайне удивлен его ответом: он прислал мне мемуары о своей собственной жизни, в которых о мастере Баллантрэ говорилось чрезвычайно мало. Мемуары эти были длиннее, чем вся эта книга, и нельзя сказать, чтобы они были очень назидательны. Он в своем письме, которое прислал из Эттенгейма, просил меня после того, как я воспользуюсь необходимыми мне отрывками, найти кого-нибудь, кто издал бы его мемуары целиком, и мне кажется, что если я в своей книге помещу некоторые отрывки из них целиком, я достигну той цели, которую я преследую, то есть познакомлю читателя с похождениями мастера Баллантрэ после битвы при Куллодене, и вместе с тем исполню желание кавалера Бурке. Таким образом читатель получит самые подлинные сведения о том, что произошло с героем моего рассказа, а также и понятие о том, как пишет кавалер Бурке, и в случае, если бы кому-нибудь из читателей понравилось повествование кавалера и он желал бы издать полностью его мемуары, он знает, где он может приобрести их целиком.

В следующей главе я помещаю мемуары полковника Бурке и отчасти то, что он рассказывал нам в Деррисдире за бутылкой вина в тот день, когда он явился туда с письмами; я говорю «отчасти», потому что о многих проделках мастера Баллантрэ полковник во время беседы с милордом умолчал.

Глава III

Странствования мастера Баллантрэ

(Из мемуаров кавалера Бурке)

...Мне кажется, не стоит и упоминать о том, что отъезд из Рефвена доставил мне большее удовольствие, чем прибытие туда, но так как я, чтобы не попасть в руки врагов, принужден был избрать самые пустынные места, и товарищи мои рассеялись в разные стороны, то волей-неволей я очутился вскоре совершенно один в пустынной, незнакомой мне местности, где, благодаря последнему удару, нанесенному нам, ирландцам, мне, как везде в Шотландии, угрожала опасность. Едучи все дальше и дальше вперед, я углубился в крайне печальные размышления о неприятном положении, в котором я очутился, когда неподалеку от себя на одном из холмов я увидел другого всадника, которого я сначала принял за привидение, так как весть о том, что он убит во время сражения при Куллодене, разнеслась по всей нашей армии.

Привидение это было не кто иной, как сам мастер Баллантрэ, сын милорда Деррисдира, молодой человек чрезвычайно красивой наружности и с необыкновенно изящными манерами, как бы созданный для того, чтобы составлять украшение любого королевского двора и пожинавать лавры в бою.

Я крайне обрадовался этой встрече, так как он был один из немногих шотландцев, которые обращались с нами, ирландцами, любезно и внимательно, и, кроме того, мог оказать мне огромную пользу во время моего бегства. Он, по-видимому, был также очень доволен, что встретился со мной, но закадычными друзьями мы сделались только после одного в высшей степени романтического обстоятельства, настолько же романтического, как легенды о короле Артуре.

Это произошло на второй день нашего странствования, после того, как мы под сильнейшим дождем переночевали у подошвы горы.

Тут же, у подошвы горы мы встретились с неким Аланом Блэком Стевардом (если я не ошибаюсь, то это его имя и фамилия⁵, с которым я познакомился во Франции. Он сказал, что едет той же дорогой, как и мы, и когда мы отправились в путь, присоединился к нам. Он почему-то невзлюбил мастера Баллантрэ, по всей вероятности, он ему завидовал, и все время поддразнивал и позволял себе даже говорить ему дерзости, стараясь таким способом вывести его из терпения.

На одно из резких и хвастливых замечаний Стеварда мастер Баллантрэ ответил ему следующим образом:

– Все, что вы говорите, мистер Стевард, чрезвычайно остроумно, но вот что, не попробовать ли нам, кто из нас быстрее ездит верхом?

И при этих словах мастер Баллантрэ дал своей лошади шпоры и помчался вперед.

Стевард помчался вслед за ним, и мы промчались таким образом больше мили. По моему мнению, пролететь на лошади такое пространство пустое дело, и поэтому я не мог удержаться от смеха, когда, взглянув назад, я увидел, как он, остановившись на одном из холмов и приложив руку к сердцу, еле-еле дышал и не решался ехать дальше.

Несмотря на то, что инцидент этот даже развеселил меня, я обратился к моему спутнику и сказал:

---

⁵ *Примеч. мистера Маккеллара.* Не Алан Брек ли это, получивший впоследствии известность как разбойник? Кавалер Бурке часто путает имена.

– Я бы на вашем месте не удовлетворился подобным издевательством над моим противником, а если бы он обидел меня, то распорядился бы иначе, а то это, как вам сказать, выходит, точно вы струсили.

Мастер Баллантрэ сдвинул брови и сердито взглянул на меня.

– Я, по моему мнению, отлично поступил, что отвязался от человека, которого терпеть не могут в Шотландии, и храбрость моя тут ровно не при чем.

– Вы говорите, что шотландцы его терпеть не могут, а между тем вы едете рядом с человеком, который отнюдь не пользуется расположением шотландцев. Если вам не нравится мое общество, то прошу вас, не стесняйтесь и «отвяжитесь» от меня.

– Полковник Бурке, – сказал он, – я вовсе не желаю с вами ссориться, и поэтому я считаю долгом предупредить вас, что у меня терпения немного.

– Я также не очень терпелив и нисколько не стесняюсь признаться в этом, – ответил я.

– В таком случае, – сказал он, подтянув поводья, – мы с вами далеко не уедем, и поэтому, по моему мнению, самое лучшее, если мы теперь или окончательно поссоримся и расстанемся навсегда, или окончательно помиримся...

– И будем дружны как братья? – сказал я.

– Какого черта братья! – ответил он. – У меня есть родной брат, а между тем я не питаю к нему ровно никакого дружеского чувства. Но, во всяком случае, так как мы встретились с вами во время бегства и были некоторое время товарищами, то дадим друг другу клятву, хотя бы мы и разошлись навсегда, не мстить друг другу и не выдавать один другого. В сущности, я человек недобрый и нахожу, что быть добродетельным крайне скучно.

– О, я такой же дурной, как и вы, – ответил я. – У Фрэнсиса Бурке также течет в жилах кровь, а не молоко. Итак, стало быть, кем же нам быть, друзьями или врагами?

– Мне кажется, что самое лучшее, если мы погадаем, – ответил Баллантрэ.

Это предложение было крайне оригинально, и оно показалось мне чрезвычайно интересным. На самом деле, разве это не оригинально, что два молодых джентльмена XVIII века бросают монету и, наподобие древних рыцарей, гадают, что им делать: задушить ли им друг друга или же сделаться навек друзьями? Подобного романтического приключения со мной никогда еще не случалось, и такого рода эпизоды можно найти только у Гомера. Ясно, что древние писатели брали свои рассказы из жизни, если даже в XVIII веке случались еще такие же инциденты, о каких они писали.

Монета упала на ту сторону, которая обозначала мир, и мы заключили дружбу.

После этого мой спутник объяснил мне, почему он устроил состязание в езде верхом со Стевардом. Баллантрэ не желал, чтобы знали, что он жив, и боялся, что Стевард узнал его и проболтается, и что он, мастер Баллантрэ, может таким образом подвергнуться преследованию. Зная, что он перегонит Стеварда, он предложил состязание, будучи уверен, что Стевард из самолюбия никогда не решится упомянуть об этой встрече и о том, что он отстал в езде верхом.

– Алан Блэк слишком горд, чтобы рассказывать о своей неудаче, – сказал он.

Около полудня мы подъехали к тому берегу, возле которого на якоре стоял корабль, на который мы и спешили. Корабль этот назывался «*Sainte-Marie-des-Anges*» и он пришел сюда из порта Havre de Crâce.

Мастер Баллантрэ дал сигнал лодке, чтобы она подъехала к нам, и затем спросил меня, знаком ли я с капитаном корабля.

Я ответил ему, что капитан – мой соотечественник, исключительно честный, но, к сожалению, крайне боязливый человек.

– Это ничего, – ответил Баллантрэ. – Во всяком случае, я скажу ему правду.

Я спросил его, что он хочет этим сказать и имеет ли он намерение рассказать капитану о результатах нашей битвы, и предупредил его, что если он расскажет о том, что случилось, то капитан, наверное, тотчас поспешит отчалить от берега и уйдет обратно в море.

– Так что же из этого? – сказал Баллантрэ. – Оружие нам теперь не поможет, сколько бы нам его ни доставили, нам теперь остается только бежать.

– Мой дорогой друг, кто говорит о том, чтобы корабль доставил нам оружие. Я протестую против того, чтобы ты сказал всю правду капитану, только потому, что тогда он уйдет с нами в море и все наши друзья, а быть может, даже сам принц, погибнут. Сколько жизней подвергнутся таким образом опасности!

– Капитан и его экипаж также живые люди, они также не захотят умирать, – возразил Баллантрэ.

На это я ответил ему, что это с его стороны только пустая отговорка, чтобы настоять на своем, и что я требую, чтобы он не рассказывал капитану о результатах последнего сражения.

Мастер Баллантрэ ответил мне на это очень удачной шуткой, и, собственно говоря, только ради того, чтобы упомянуть о ней, я передал дословно весь этот разговор.

– Фрэнк, – сказал он мне, – вспомни наш уговор быть друзьями; я не предлагаю тебе держать язык за зубами, но я прошу тебя только молчать и не открывать рта, когда я буду говорить.

Услыхав эти слова, я, разумеется, рассмеялся, но все-таки предупредил его, чтобы он подумал о том, какие могут быть последствия от того, если он скроет истину.

– А, черт с ними, с этими последствиями! – сказал мой беспечный товарищ. – Я никогда не думал о последствиях, когда что-нибудь предпринимал, и поступал всегда так, как мне было желательно.

Как я предсказывал, так и случилось: как только капитан узнал о результатах последнего сражения, он моментально отчалил от берега и вышел в море, и раньше чем настало утро, мы были уже в Грэт-Минче.

Корабль был ветхий, а шкипер корабля, хотя и очень симпатичный, порядочный человек, также ирландец, знал свое дело довольно плохо.

Дул сильный ветер, и море страшно бушевало, так что в продолжение всего дня мы почти ничего не ели и не пили, до такой степени непрерывное волнение воды действовало на наше расположение духа, а ночью ветер, как бы желая показать нам, до какой силы он может дойти, задул с северо-востока и превратился в ураган.

Мы заснули, когда вдруг вой ветра и беготня матросов по палубе разбудили нас. Я думал, что последний час наш настал, до такой степени я испугался, когда услышал эту страшную бурю, и мысли мои невольно обратились к Богу. Баллантрэ смеялся надо мной и поддразнивал меня и своими глупыми шутками приводил меня еще больше в ужас. В такие часы, когда жизнь человека висит на волоске, если в душе его живут религиозные чувства, он яснее, чем когда-либо, понимает, что он беспомощное существо, и что если Бог ему не поможет, он пропал. Ни один друг не в силах помочь ему, все они такие же беспомощные существа, как и он сам. Так как я человек религиозный, то я счел нужным вставить это замечание.

Три дня продолжалась буря, и в продолжение трех дней мы лежали в каюте и почти ничего не ели, за исключением сухарей. На четвертый день ветер утих, и наш корабль, с которого буря снесла мачты, понесся по волнам. Капитан не имел никакого понятия о том, где мы находимся, он вообще плохо знал путь и ничего не делал, как только возносил мольбы к Божьей Матери, что с его стороны было очень хорошо, но ведь не в этом одном заключается обязанность капитана корабля.

По моему мнению, единственная возможность нашего спасения из этого затруднительного положения заключалась лишь в том, если бы какой-нибудь другой корабль пришел к нам

на выручку и взял бы нас к себе на борт. Хорошо, если только это будет не английский корабль, в противном же случае мне и Баллантрэ грозила бы опять-таки опасность.

Пятый и шестой день прошли, а мы все еще качались на волнах, и волны несли нас, куда им было угодно. На седьмой день к кораблю кое-как приделали мачту, и он пошел по ветру. В продолжение всего этого времени его несло по направлению к юго-западу, особенно во время бури его, должно быть, очень далеко туда занесло.

Девятый день настал, а мы все еще носились бесцельно по морю. Погода была холодная и пасмурная, и море сильно волновалось. Не было никакого сомнения в том, что нас снова ожидала буря.

Мы находились в критическом положении, и радость наша была безгранична, когда мы вдалеке увидели небольшой корабль, шедший к нам навстречу, и когда мы убедились, что он подходит все ближе и ближе к нашему кораблю «Sainte-Marie».

Но радость наша продолжалась недолго. Когда корабль остановился и спустил лодку, чтобы перевезти нас к себе, мы увидели, каков экипаж этого корабля: это были какие-то грязные, полупьяные парни. Они с криком, пением, гиканьем и проклятиями влезли к нам на палубу и, обнажив кортики, принялись хозяйничать у нас.

Капитан корабля был грубый, неопрятный мужик, со смуглым лицом и черными курчавыми волосами. Имя его было Тиич. Это был известный морской разбойник. Он также явился к нам на палубу и без стеснения принялся командовать и кричать. Кличка его была «Сатана», а корабль свой он называл «Ад», хотя название корабля было «Сарра». Человек этот походил на какого-то полоумного, и в то время, как я смотрел на него, меня охватывал ужас. Я шепнул мастеру Баллантрэ на ухо, что я не желал бы быть одним из последних, которых убивают, так как ждуть подобной очереди ужасно, и что я молю в душе Бога, чтобы пытка наша скорее кончилась и чтобы, если нам суждено быть убитыми, нас убили бы уже поскорее, а не мучили.

Мастер Баллантрэ в знак согласия кивнул мне только головой.

– Эй вы, мастер Тиич, – обратился я к атаману пиратов, – если вы сатана, то вот к вашим услугам черт.

Эта шутка чрезвычайно понравилась ему, и, благодаря ей, меня, Баллантрэ и еще двоих из нас, в качестве слугителей сатаны, перевезли на корабль в лодке, так как других, между прочим и шкипера, заставили перейти на корабль по доске, перекинутой с одного борта на другой. Так как один корабль от другого находился на далеком расстоянии и доска, вследствие волнения, качалась, то перейти по ней и не упасть в воду было большим подвигом.

Глядя на эту опасную переправу моих спутников, я страшно побледнел. Я не помню кто, мастер ли Тиич, или кто-то из пиратов, сделал по этому поводу замечание, и поэтому я знал, что я побледнел; помню только, что в то время я был в таком страхе, что у меня даже мысли путались.

Чтобы загладить впечатление, которое произвела моя бледность, и не подать виду, что я испугался (иначе меня непременно заставили бы пройти по доске), я, набравшись храбрости, принялся шутить и болтать всякий вздор и таким образом угодил Тиичу и спасся от перехода по доске; но когда я уселся в лодку, которую огромные волны так и подбрасывали и которая должна была доставить меня на корабль пиратов, и я очутился в обществе полупьяных негодяев, я испытывал такой страх, что едва в силах был говорить. Но, несмотря на то, что ноги у меня были словно налиты свинцом, а язык у меня еле-еле ворочался, я все-таки сказал несколько удачных шуток и острот.

К счастью, как только мы перешли на корабль пиратов, я увидел лежащую на палубе скрипку. Я тотчас схватил ее и принялся наигрывать различные пляски, и этим произвел на пиратов очень хорошее впечатление. Они прозвали меня «скрипач Пэт», но мне было решительно все равно, какую кличку я получил, главное было спасти свою жизнь.

Описать корабль, на котором мы находились, я не берусь, скажу только, что кораблем его даже назвать нельзя, а его скорее можно было сравнить с домом сумасшедших, несшимся по волнам и командуемым безумцем. Мы все время или пили, или пели, или ссорились, или дрались, или плясали, а главное, никогда не были трезвыми, так что я уверен, что если бы нас застиг шквал, мы непременно лежали бы на дне моря, а если бы какой-нибудь королевский военный корабль напал на нас, то мы не могли бы даже защищаться, а сдались бы ему прямо в руки без боя.

Один или два раза мы видели издали судно, которое мы могли бы отлично догнать, если бы вся наша команда, а во главе всех наш командир, не были окончательно пьяны. И в то время, как мы кутили и пили, корабль все дальше и дальше уходил. Я, по правде сказать, в душе благодарил святых, что никаких морских сражений не происходило, так как по натуре был отнюдь не пират.

Тиич управлял кораблем, но что это было за управление! Несмотря на то, что все его боялись, беспорядок на корабле был поразительный, а о дисциплине не могло быть и речи. А между тем он воображал, что он отличный капитан, и был о себе чрезвычайно высокого мнения. Я знал многих французских маршалов и шотландских полководцев, которые мнили о себе куда меньше, чем Тиич.

Действительно, чем дольше мы живем, тем более мы ценим ум древних философов, вроде Аристотеля и ему подобных ученых, и теперь, когда я уже стар и оканчиваю свою карьеру и, стало быть, на своем веку видел много людей, я должен сказать, что мне ни разу за всю жизнь не приходилось видеть человека, который не кичился бы чем-нибудь, хотя редко кто из них имел на это право.

Прошло довольно много времени, прежде чем мне удалось перекинуться с мастером Баллантрэ двумя-тремя словами без свидетелей, но, наконец, мы ночью как-то тайком взобрались на бугшприт, в то время как товарищи наши спали или пили, и принялись беседовать о нашем печальном положении.

– Никто, за исключением святых, не может спасти нас, – сказал я.

– Я другого мнения, – ответил Баллантрэ, – и спасу себя сам. Этот Тиич – самое противное существо на свете. Что он делает? Какая нам от него польза? Он только пьет и ползает себе по морю. Я вовсе не желаю быть больше грязным, вымазанным дегтем пиратом и находиться в зависимости от этого пьяного негодяя.

И он сообщил мне свой план. Он хотел стать во главе разбойников, завести на корабле строгую дисциплину и вместо того, чтобы ничего не делать, заняться преследованием кораблей, ограбить их и, запасшись хорошими средствами к дальнейшему существованию, бросить это дело и отстать от разбойников.

После этого я сообщил ему, в свою очередь, что все случившиеся с нами события сильно повлияли на меня, что нервы мои очень расстроены и что ему не следует рассчитывать на мою помощь, так как едва ли я в силах буду принять участие в каком бы то ни было серьезном деле.

– Меня не так легко расстроить или напугать, – ответил Баллантрэ.

Вскоре после этого разговора с нами случилось происшествие, во время которого мы чуть-чуть не погибли все без исключения, и которое может служить доказательством того, в каком состоянии находились умственные способности всей нашей команды, а более всего нашего атамана.

Мы все были порядочно пьяны, когда один из безумцев, составлявших наш экипаж, заметил плывущее вдали судно.

Тиич велел идти в погоню за ним, и мы, размахивая руками и горланя, в надежде на успех нашего предприятия, бросились в погоню за кораблем.

Баллантрэ стоял как раз на носу корабля и, держа руку над глазами, не принимал участия в нашем гоготании, а смотрел в даль, в то время как я потешал всю команду дикарей своими шуточками и веселыми, не совсем приличными анекдотами.

– Подними наш флаг, покажи этим свиньям, кто мы такие! – закричал мне Тиич.

Несмотря на то, что Тиич был хвастун, он был большой трус, и мне поэтому чрезвычайно странно было слышать подобного рода приказание в ту минуту, когда мы гнались за чужим кораблем, но я не стал с ним спорить, а взял черный флаг и прикрепил его к мачте.

Баллантрэ с насмешливой улыбкой взглянул на меня и сказал:

– Разве ты не видишь, пьяный пес, что судно, за которым мы гонимся, военное судно?

Тиич с пьяных глаз сначала было заспорил и заорал, но его ошибка была столь очевидна, что, как ни был пьян он сам и все его люди, они тотчас убедились воочию в том, что Баллантрэ был прав. Он бросился к борту, и все другие устремились за ним. Произошло необычайное явление – все эти пьяные мгновенно протрезвились; никогда в жизни я не видывал, чтобы совсем пьяные люди могли так скоро отрезвиться. Военный крейсер шел прямо на наш столь бесстыдно поднятый флаг; нам был ясно виден его флаг. И вот над крейсером взвилось облачко дыма, раздался выстрел, и ядро упало в воду около нашего судна. Люди бросились к снастям и им удалось повернуть нашу «Сарру», и теперь она изо всех сил уходила от военного судна.

Выстрел этот наделал на нашем корабле страшный переполох. Команда наша со страху не знала, куда ей скрыться. Один из пиратов, не зная, что ему делать, схватил бочонок с ромом, стоявший на палубе, и швырнул его за борт, я схватил черный флаг и бросил его в море и готов был, кажется, сам броситься туда же, до такой степени я был поражен нашей неудачей. Тиич же побледнел как мертвец, и немедленно после выстрела убежал в свою каюту. В продолжение этого дня он только два раза выходил на палубу, подходил к бакборту и, посмотрев на плывущее вдали военное судно, уходил снова в свою каюту. Он даже не заботился о том, что с нами происходит, и если бы случайно на корабле не было чрезвычайно опытного пирата, который стал за руль и управлял нашим судном, и погода была бы более бурная и менее ясная, то мы, наверно, попали бы на виселицу.

Подобным поведением Тиич, разумеется, скомпрометировал себя в глазах своей команды, и это он, по всей вероятности, понял, потому что на следующий день после описанного мною случая он, желая снова приобрести авторитет, который он накануне потерял, вздумал выкинуть чрезвычайно оригинальный фокус. Рано поутру он зажег в своей каюте серу, и в то время, как она пылала, закричал: «Ад, ад!». Пиратам, по-видимому, уже не раз приходилось видеть этот фокус, и они знали, что он означал, потому что, как только они услышали этот крик, они пришли в ужас. Тотчас после этого Тиич выбежал на палубу: лицо было покрыто сажей и совсем черное, волосы и борода всклокочены, за кушак было засунуто несколько пистолетов, а в руке он держал обнаженный кортик, которым он размахивал во все стороны. В то же время он жевал стекло, от этого кровь текла по его губам и по его подбородку. Вероятно, он научился этому фокусу у индейцев, живущих в Америке, потому что он был родом оттуда и, по-видимому, применял этот способ, когда желал наводить ужас на всю команду и имел намерение совершить какое-нибудь злодеяние.

Первый, кто попался ему навстречу, когда он выбежал на палубу, был пират, выбросивший накануне бочонок с ромом за борт. Тиич набросился на него, ни с того, ни с сего назвал его мятежником и всадил ему кортик прямо в сердце, так что тот упал мертвым. Перескочив через труп несчастного, Тиич, ругаясь и размахивая своим кортиком, так и норовил пырнуть в сердце кого-нибудь из нас. Это был какой-то дикий зверь, выскочивший из клетки.

Но вдруг, совершенно неожиданно, Баллантрэ вышел вперед и обратился к атаману.

– Перестань дурачиться! – закричал он. – Быть может, ты воображаешь, что мы тебя боимся? Нисколько. Вчера, когда мы нуждались в твоей помощи, ты спрятался, ну, так и убирайся обратно, откуда пришел, мы отлично обошлись без тебя вчера, обойдемся и сегодня.

Среди толпы пиратов послышалось какое-то бормотание, слышались одобрительные возгласы, а вместе с тем и какой-то шепот, выражавший страх. Тиич же как-то особенно завыл и поднял руку, в которой он держал кортик, желая, по-видимому, с обычной ловкостью опытного моряка вонзить его в грудь Баллантрэ.

– Выбей из его руки оружие! – кричал мне Баллантрэ таким голосом, что, прежде чем я успел одуматься, я исполнил уже его приказание, и кортик был у меня в руках.

В то же время Тиич стоял передо мной как дурак и забыл даже о том, что у него в кушаке торчат пистолеты.

– Убирайся в свою каюту, – закричал Баллантрэ, – и не смей показываться на палубе, раньше чем ты отрезвишься! Ты что, воображаешь, что мы желаем погибнуть из-за тебя, черномазая, полоумная, пьяная, злая bestия? Убирайся вон сейчас!

С этими словами он толкнул его ногой с такой силой, что тот в страхе бросился бежать в каюту.

– Ну, а теперь, господа матросы, я желаю сказать вам два слова, – обратился Баллантрэ к пиратам. – Не знаю, как на ваш взгляд, но, по моему мнению, подобного рода шутки, какие позволяет себе атаман, отнюдь не уместны. Кроме того, мы проводим время в праздности, ничего не делаем и ничего не добываем, и это мне также не нравится. Я желаю нажить деньги, затем пристать к берегу и разделить, как честный человек, добычу между вами. Но только я нуждаюсь в вашей помощи. Дайте мне совет, как мне поступить. Я новичок в морском деле. Как нам устроить, чтобы у нас на корабле была дисциплина и дело наше пошло бы на лад?

Один из пиратов вышел вперед и сказал, что, по его мнению, им необходимо иметь руководителя, и что без руководителя дело на лад не пойдет. Все в один голос согласились с ним в этом отношении. Решено было избрать руководителя или, как они выражались, начальствующее лицо, и Баллантрэ единогласно был выбран в «начальники».

Бочки с ромом были переданы в его распоряжение, были установлены известные правила, которым пираты, по отношению к своему начальнику, должны были подчиняться, и в конце концов кто-то предложил вышвырнуть за борт Тиича и отдать его каюту Баллантрэ. Но Баллантрэ воспротивился этому: он тотчас сообразил, что если он не в состоянии будет угодить пиратам, то они в будущем поступят с ним так же, и эта мысль страшила его. Он сказал, что Тиич все-таки может приносить им пользу тем, что он будет действовать устрашающим образом на экипаж чужого корабля, что он своим смуглым лицом, черными всклокоченными волосами, своими ругательствами и проклятиями будет своего рода пугалом для чужих. Так как Тиич был теперь разжалован и, так сказать, смещен со своего председательского места, то в случае если бы нам удалось захватить хорошую добычу, решено было выдать ему несравненно меньшую часть, чем другим, даже гораздо меньшую, чем мне.

Теперь остались еще только два пункта, относительно которых мы никак не могли прийти к общему соглашению, а именно: как заставить Тиича принять предлагаемые ему условия и кому взять на себя ответственность объявить ему о том, что его смещают.

– Не заботьтесь об этом, – сказал Баллантрэ, – я пойду к нему и объявлю ему обо всем.

И он преспокойно отправился вниз в каюту к пьяному Тиичу, совершенно один.

– Вот это человек так человек! Вот такого атамана нам и нужно! – закричал один из пиратов. – Да здравствует наш новый предводитель!

Мы все принялись аплодировать и кричать «ура», и я, кажется, кричал громче всех.

Эти рукоплескания произвели впечатление на Тиича и заставили его опомниться и бросить свою спесь, подобно тому, как в прежнее время крики и восклицания собравшейся на улице толпы заставляли не одного законодателя изменить данный им закон.

Что происходило между Тиичем и мастером Баллантрэ, в точности никто не узнал, хотя впоследствии кое-какие отрывки из их беседы и дошли до нашего сведения; знаю только, что

все мы были крайне изумлены, когда вскоре после того, как Баллантрэ ушел в каюту, он под руку с бывшим атаманом вышел на палубу и объявил, что все улажено.

Я не буду долго останавливаться на описании тех двенадцати или четырнадцати месяцев, которые мы после этого провели в Атлантическом океане. Мы занимались тем, что нападали на различные корабли и грабили их. Не говоря уже о том, что мы таким образом добывали себе провиант, мы заработали даже кое-какие барыши. Описывать подробно, как мы грабили, я также не стану, так как не думаю, чтобы кому-нибудь могло доставить удовольствие читать мемуары пирата, хотя бы даже такого, как я, сделавшегося пиратом совершенно помимо своей воли.

Дела наши шли несравненно лучше, чем под предводительством Тиича, и Баллантрэ, к великому моему удивлению, отлично командовал и возбуждал всеобщий восторг.

Я невольно пришел к тому заключению, что дворянин всюду должен занимать первое место, даже на корабле пиратов. Хотя сам я по своему происхождению стою несколько не ниже шотландского лорда, а между тем на корабле морских разбойников занимал место отнюдь не почетное. Я оставался все тем же «скрипачом Пэтом» или, иначе говоря, шутом пиратов.

Это происходило по той причине, что мне не представлялось случая чем-нибудь отличиться. Я не моряк и не люблю моря, а поэтому чувствую себя на море отвратительно, и если говорить откровенно, я в продолжение всего нашего путешествия по морю боялся его и своих товарищей-разбойников. Я человек отнюдь не трусливый, я сколько раз участвовал в сражениях на суше и на глазах весьма почтенных, заслуженных генералов отличался своей храбростью, и чинами перегнал весьма многих товарищей, но когда мы сцеплялись, один корабль с другим и начинался грабеж другого корабля, у меня каждый раз душа уходила в пятки. Маленькая лодка, в которую мы садились с тем, чтобы попасть на чужой корабль, волны, поднимавшие ее кверху, и, наконец, веревочная лестница, по которой мы взбирались на судно, которое решено было ограбить, – все это невероятно страшило меня. Кроме того, мы никогда раньше не могли знать, сколько народу на чужом корабле и со сколькими людьми нам придется сражаться, и поэтому в то время, как мы порою в бурную погоду взбирались на чужой корабль по лестнице и над нами висели серые тучи и ветер громко ревел и гудел, я считал себя самым несчастным человеком в мире. К тому же у меня натура несколько чувствительная, и вследствие этого мне противны были сцены, которые происходили во время нашего грабежа. Два раза мы застали на корабле, на который мы взобрались, женщин, и, несмотря на то, что мне в жизни приходилось видеть, как разоряли целые города, и на моих глазах во Франции происходили ужасные народные мятежи, мне было неприятно видеть, как грабили и обижали эти несчастных слабых существ, и морские разбойничьи похождения, в которых было так мало привлекательного и так много дурного, крайне возмущали меня. Я откровенно признаюсь, что меня можно было подбить на эти грабежи только тогда, когда я был пьян.

То же самое было и с пиратами. Они ленились, и поэтому их также надо было напоить, прежде чем пуститься в погоню за кораблем, иначе они ленились работать, а чтобы заставить Тиича преследовать и грабить корабль, его надо было напоить допьяна. Вот поэтому-то самая трудная задача для Баллантрэ заключалась в том, чтобы добывать нам спиртные напитки. Но он справился и с ней. У него всегда были хорошие запасы. Он был человек действительно гениальный: несмотря на всю трудность своего положения, он умел поставить себя по отношению к шайке разбойников в совершенно особое положение. Он не заискивал перед ними из боязни, как я, а, напротив, держал их строго и на почтительном отдалении от себя и обращался с ними наподобие того, как отец обращается со своими детьми или учитель со школьниками.

Мастеру Баллантрэ очень трудно было держать в руках свою команду еще по той причине, что они были страшные ворчуны и крайне дерзкие люди. Когда они были пьяны, они ни о чем не думали, но когда они отрезвлялись, они начинали размышлять. Иные из них начали даже раскаиваться в том, что они занимались таким гадким промыслом; один пират в особен-

ности, так как он был очень религиозен, жалел о том, что соблазнился таким дурным делом, как морской грабеж. Мы с ним порою удалялись куда-нибудь в сторонку от других и усердно молились, в особенности в дурную, ненастную погоду, во время ливня или тумана, и я думаю, преступники в тюрьме, раскаивающиеся в своих преступлениях, наверное, не более усердно молятся, чем молились мы. Большинство же разбойников, которым уже надоело разбойничать и не иметь от этого ровно никакой выгоды, так как они были люди не религиозные, только и занимались тем, что ворчали на то, что на их долю не приходилось никакого барыша, и что поэтому им надоело без толку носиться по морю.

Дело в том, что хотя мы и ограбили множество кораблей, нам от этого было весьма мало пользы, так как ни на одном мы не нашли того, в чем нуждались, а именно денег. Сколько раз мы с величайшим трудом влезали на корабль с целью грабежа и не находили там ничего, за исключением земледельческих орудий или груза табака, который корабль перевозил по назначению. Досадно вспомнить, но сколько раз бывало, что мы, перелезая по доскам и балкам и рискуя жизнью, попав на чужой корабль, не находили ровно ничего, за исключением маленького количества сухарей и одного или двух анкеров спирта.

Между тем, нападая корабли и ничего не находя, мы двигались все дальше вперед, пока корабль наш не сделался тяжелым от грязи. Гнаться на нем за другими кораблями нам было уже трудно, это мы отлично понимали, и понимали также, что нам в скором времени надо будет ввести его в док для очистки. Мы вошли в рукав какой-то грязной реки и спустили якорь. Сознание того, что нам скоро придется делить добычу, а добыча крайне ничтожная, раздражило еще сильнее аппетит пиратов; они желали во что бы то ни стало поживиться чем-нибудь ценным, и поэтому мы все не решались пристать к берегу и стояли на месте в надежде, не появится ли корабль, который можно было бы ограбить. Мы бы, быть может, еще долго стояли без толку на одном месте, если бы один неожиданный случай не решил, так сказать, нашей участи.

Но раньше, чем рассказать о нем, я должен еще кое о чем упомянуть. Я должен сказать, что, несмотря на то, что мы ограбили множество кораблей, нам почти ни на одном из них не оказывали противодействия, так что мы обыкновенно забирали все, что мы находили, без боя, в особенности, когда на корабле находились женщины. Только один раз, когда мы напали на один корабль, несмотря на то, что на нем были женщины, без боя не обошлось. Мы двух людей даже убили и нескольких ранили, и нас бы, пожалуй, даже отбили и мы проиграли бы сражение, если бы Баллантрэ своей храбростью не подал примера другим пиратам и они не дрались бы с таким мужеством. Мы все-таки добились своего и ограбили корабль, забрали даже несколько человек на наш корабль; пленные наши тотчас согласились помочь нам перейти на наш корабль и подавали нам канаты и все, что мы от них требовали, когда мы пригрозили им, что в противном случае мы заставим их перейти на наш корабль по доске. Этим способом, по всей вероятности, и Тиич, когда он был еще атаманом, наводил на своих подчиненных страх, и таким образом он заставлял их делать то, что он желал.

Общество Тиича, этого полоумного человека, положительно отравляло нам существование, и выходки его много раз причиняли нам неприятности.

Теперь расскажу о неожиданном случае, который с нами произошел.

Отдохнув некоторое время, мы пустились лавировать по реке, и скоро неподалеку от нас увидели корабль, который, несмотря на густой туман, плыл так же хорошо или, вернее сказать, так же дурно, как наш. Один из пиратов стал на нос корабля и посмотрел, на каком расстоянии чужой корабль находится от нас и нельзя ли нам пустить в него ядро. Волнение было очень сильное, и наш корабль так и поднимало волнами. Мы три раза выпалили из пушки, но, несмотря на это, из-за густого тумана не могли разобрать, попали мы в цель или нет. В то время, как мы еще рассуждали о том, что нам дальше предпринять, с чужого корабля раздалась

пушечные выстрелы; ядро попало в наших канониров и убило их, а затем влетело и врезалось в переднюю часть корабля.

В этом выстреле и в том, что наших канониров убили и все мы на палубе были обрызганы кровью, не было ничего особенного, что могло бы повлиять в дурном смысле на нашу команду, а тем более на Баллантрэ; но между тем наш молодой атаман тотчас понял, что дело проиграно, и что нам нечего вступать в бой с кораблем, команда которого так хорошо вооружена. Люди, плававшие на том корабле, с которого раздался выстрел, по-видимому, также поняли, что имеют дело с разбойничьим кораблем, и поэтому поспешили отплыть как можно дальше вперед, в то время как наша «Сарра» («Ад» была только кличка корабля, его настоящее имя было «Сарра»), по причине своей ветхости, еле-еле поспевала за ним. Обогнать какой-нибудь корабль она ни в каком случае больше не могла; я думаю, что в том состоянии, в котором она находилась, она не могла бы даже обогнать плавающую на воде бутылку.

Надо было видеть, какой восторг выразался на лицах матросов чужого корабля, когда они увидели, что наши канониры упали; отплывая все дальше и дальше вперед, они хохотали, шутили и смеялись, как будто они совершили какой-нибудь особенный подвиг.

Девять дней мы стояли на якоре и отдыхали, выжидая ясной погоды, но на десятый день туман рассеялся и мы отправились снова в путь. Вскоре после этого туман снова спустился на воду, а затем снова рассеялся, и в эту минуту мы увидели на совсем близком расстоянии от нас крейсер.

Когда на крейсере заметили появление нашей «Сарры», на нем поднялась суматоха; ясно было, что команда узнала наше судно, и что «Сарра», как судно пиратов, пользовалось известностью.

Прежде, когда наш корабль был еще не поврежден и мы перегоняли множество кораблей и грабили их, о нем хотя и ходили слухи, но никто в точности не мог дать верного отчета о том, какой вид он имеет, так как мы, ограбив корабль, на который нападали, убивали или брали к себе на судно экипаж; теперь же, когда, по причине ветхости нашего корабля, мы потерпели уже несколько поражений, весть о нем дошла во многие места, и о нем публиковалось даже в газетах.

Я был уверен, что в самом скором времени мы должны были погибнуть. Корабль наш не мог уже выдерживать продолжительные путешествия, нас рано или поздно должны были настичь, и, разумеется, о пощаде с чьей бы то ни было стороны не могло быть и речи.

Но тут опять-таки поразительная гениальность мастера Баллантрэ спасла нас.

Я много раз удивлялся тому, каким образом Баллантрэ достиг того, что Тиич слушался его беспрекословно и делал все, что он желал, но никогда не мог добиться от него по поводу этого вопроса определенного ответа. Он отвечал мне на это только шуткой:

– Если бы наш экипаж узнал, при помощи чего я держу Тиича в повиновении, то он был бы крайне удивлен, так же точно, как и я, в свою очередь, буду очень удивлен, если исполню то обещание, которое я дал ему, Тиичу, так как вовсе не имею намерения его исполнить.

Это было все, что я слышал, но из этого я, разумеется, ничего не понял.

Одним словом, как бы то ни было, Тиич и мастер Баллантрэ шли рука об руку.

Когда они увидели неподалеку от нашего судна корабль, они потребовали, чтобы якорь был спущен, а как только приказ их был исполнен, Тиич и Баллантрэ начали угощать команду ромом. Пьянство началось страшное. К вечеру экипаж был до такой степени пьян, что едва мог держаться на ногах. Сцены при этом происходили самые разнообразные: матросы то дрались, то пели, то плясали, то ругались, то мирились и скорее походили на безумных, чем на здравомыслящих людей.

Баллантрэ потихоньку шепнул мне, чтобы я не пил ни одной капли рома, если жизнь моя мне дорога, но чтобы я притворился пьяным. Я должен сказать, что, кажется, никогда в жизни не провел еще такого скучного дня, как этот. В продолжение нескольких часов я ровно

ничего не делал, а лежал только на носу корабля и смотрел на воду, на тину и на водоросли, поднимавшиеся со дна реки.

Вскоре после того как стемнело, Баллантрэ, прикидываясь пьяным и шатаясь, подошел ко мне и затем, как бы не будучи в силах держаться на ногах, упал на нос корабля рядом со мной. При этом он шепнул мне:

– Встань, сделай вид, будто ты шатаешься, спустись в каюту и, бросившись на ящик, прикинься спящим; вскоре ты мне будешь нужен.

Я исполнил в точности приказание Баллантрэ: шатаясь, спустился в каюту и бросился на ближайший от двери ящик.

На этом ящике лежал уже человек; он приподнялся и оттолкнул меня. На мой взгляд, человек этот не был пьян, но как только я улегся на другой ящик, он также лег и, по-видимому, снова крепко заснул.

Мое сердце сильно забилося. Я понял, что Баллантрэ решился на какой-нибудь отчаянный поступок.

Вскоре после того, как я улегся, Баллантрэ вошел в каюту, зажег спускавшуюся с потолка лампу, кивнул одобрительно головой и снова ушел на палубу, не сказав никому ни слова.

Я посмотрел сквозь пальцы и увидел двух матросов, лежавших на ящиках и спавших или прикидывающихся спящими. Матросы эти были Деттон и Грэди, очень храбрые люди.

В то время как мы лежали внизу, в каюте, остальной экипаж предавался на палубе пьянству. Я много раз слышал, как на этом самом корабле шумели и пировали, но такого крика, такого шума и гама я еще никогда не слышал. Это была оргия каких-то совершенно невменяемых людей, и в то время как я прислушивался к этой оргии, я решил, что в ром, который пили пираты, было, наверно, примешано какое-нибудь скверное, возбуждающее мозги вещество.

Прошло довольно много времени после того, как Баллантрэ зажег лампу, а шум на палубе все еще продолжался. Но вдруг наверху раздался какой-то стон, после которого мгновенно настала полная тишина, и спустя долгое время после того Баллантрэ снова вошел в каюту, но в этот раз уже в сопровождении Тиича.

Последний, увидев нас, принялся ругаться.

– Тсс... – сказал Баллантрэ, – не ругайтесь. Эти люди нам не помешают. Вы можете смело стрелять над их ухом, и они все равно не проснутся: ведь вам известно, какой сонный порошок мы им подмешали в ром.

В полу каюты был сделан люк, и под ним находилось помещение, в котором хранилась захваченная нами добыча и ждала, пока мы ее разделим. Люк закрывался железной крышкой, которая запиралась тремя висячими замками; ключи же от этих замков для того, чтобы более обезопасить добычу от кражи, находились у трех лиц: у Тиича, Баллантрэ и у одного матроса по имени Гаммонд. К моему великому удивлению, все ключи оказались у Баллантрэ в руках, и еще к большему моему удивлению я, взглянув сквозь пальцы, увидел, как Баллантрэ и Тиич, спустившись в люк, вернулись оттуда, неся в руках четыре тюка. Тюки эти были тщательно увязаны, и к каждому из них была приделана из веревок ручка, чтобы тюк удобнее было держать.

– Ну-с, а теперь поспешим уйти, – сказал Тиич.

– Еще одно слово, – сказал Баллантрэ. – Я узнал, что кроме вас есть еще человек, который так же хорошо, как вы, знает путь, как пройти на лодке по болоту, и мне кажется, что он знает путь даже лучше вас.

– О, в таком случае мы пропали! – закричал Тиич.

– Все нет, – ответил Баллантрэ, – и я положительно не понимаю, почему вы так думаете. А теперь послушайте, что я вам скажу: во-первых, скажу вам, что ваш пистолет не заряжен; вы помните, что я взялся утром зарядить ваш и мой пистолеты; ну-с, свой-то я зарядил, а ваш – нет; во-вторых, не воображайте, пожалуйста, что я отправлюсь в путь с таким полоумным

человеком, как вы, когда есть на свете другой человек, которому так же хорошо известен путь, как вам; в-третьих, эти три человека, лежащие здесь в каюте, делающие вид, как будто они спят, и которым теперь незачем больше прикидываться спящими, мои союзники и помогут мне зажать вам рот, чтобы вы не кричали, и затем привяжут вас к мачте, а когда ваши товарищи проснутся, в случае, если они проснутся после того зелья, которое мы им намешали в ром, то они освободят вас, и вы расскажете им, как вас надули.

Тиич не ответил ни слова, а только смотрел на нас, как испуганное дитя, в то время как мы затыкали ему рот и связывали его.

– Учись, дурацкая голова, как надо действовать. Ну, что, где твоя добыча? – сказал Баллантрэ. – Прежде ты был капитан Тиич, а теперь ты капитан Лерн⁶.

С этими словами мы вчетвером, неся в руках каждый по тюку, покинули корабль «Сарра». Мы потихоньку спустили лодку и никем не потревоженные поплыли среди ночной тишины по реке, в то время как порой до нас доносились стоны спавших крепким сном пьяниц.

Туман был такой густой и стоял так высоко над водой, что Деттон, который знал путь, не мог грести иначе, как стоя, так как он не видел, куда направить лодку; когда он садился, туман был ему чуть ли не по грудь. Как оказалось впоследствии, благодаря этому туману мы только и спаслись.

Мы отъехали только на несколько шагов от корабля, когда начало уже светать и птицы стали летать взад и вперед над водой. Но вдруг Деттон перестал грести, сел на корточки и шепнул нам, чтобы мы, если наша жизнь нам дорога, не проронили ни одного слова и прислушались к шуму на воде. Мы прислушались и вскоре услышали сначала с правой стороны от нас, а затем с левой шум весел. Не было никакого сомнения в том, что с крейсера, который накануне заметил нас, были спущены лодки, и что «Сарру» желали застигнуть врасплох и захватить в плен. Стоило только людям, подплывавшим к кораблю, увидеть нас, и мы погибли: нас захватить было пустое дело. В то время как мы, сидя в лодке, боялись пошевелить веслом и молили Бога, чтобы туман не рассеялся, так как это было наше единственное спасение, я испытывал такой страх, что пот градом лил с моего лица. И как раз в то время, как мы, притаившись, сидели на одном месте и боялись пошевелиться, мы почти над самым нашим ухом слышали, как один из офицеров, находившихся на соседней лодке, шепнул:

– Тише, братцы, тише.

– Делать нечего, – шепнул Баллантрэ, – так сидеть и ждать нельзя, надо постараться где-нибудь скрыться. Попробуем доплыть до бухты.

Мы так и сделали. Из предосторожности мы, не решаясь грести веслами, гребли руками, только слегка дотрагиваясь до воды и устремив глаза на туман, который скрывал нас от врагов, медленно, но все-таки двигались вперед.

И небо смиловалось над нами. В скором времени мы въехали в густой кустарник, росший на отмели, вылезли из лодки и вместе с нашими тюками скрылись в кустах, а так как туман начал рассеиваться, то мы, чтобы скрыть все наши следы, потопили лодку.

Как только мы скрылись в кустах, солнце взошло, туман рассеялся, и мы увидели, как морские офицеры и матросы с крейсера один за другим полезли на палубу нашего корабля. Гибель «Сарры» была неизбежна. Я впоследствии слышал, что капитан, захвативший «Сарру» в плен, прославился этим подвигом, он приобрел взятием «Сарры» в плен известность и получил даже за это награду. Я же с достоверностью могу сказать, что взять в плен команду корабля пиратов в том состоянии, в котором она находилась, не составило большого труда⁷.

---

⁶ Teach (Тиич) по-английски – учить, а learn (Лерн) – учиться.

⁷ *Примечание мистера Маккеллара.* Капитана корабля «Сарра» Тиича не следует путать со знаменитым капитаном Блекбердом, назвавшим себя также Тиичем. Тиич и Блекберд – совершенно разные личности. Быть может, второй Тиич и заимствовал многое у первого, а главное, заимствовал его кличку, и им, быть может, многие восторгались, но во всяком случае второй Тиич был самозванец. А что касается выражений восторгов, так ведь и мастером Баллантрэ многие восторгались.

Я собрался уже было мысленно благодарить святых угодников за наше спасение, когда на меня напал вторично страх.

Мы наудачу, не разбирая, куда мы плывем, пристали к первой попавшейся нам на пути отмели, но, как оказалось, почва на этой отмели была крайне болотистая. Отсюда выбраться следовало как можно скорее. Но вопрос, как, не рискуя жизнью, выбраться оттуда и попасть на берег, по которому можно было бы дойти до безопасного места?

Деттон советовал нам подождать, пока наши враги уйдут в море, и затем постараться вытянуть из тины нашу лодку и доплыть на ней до берега. Это было бы, разумеется, лучше, чем идти неизвестно куда, напрямик, и бродить часами по болоту. Кто-то из нас выглянул из кустов, чтобы посмотреть, увезли ли нашу «Сарру» и можно ли нам выйти из нашего убежища, но, как оказалось, «Сарра» стояла все на том же месте, а на ней развевался теперь английский разноцветный флаг.

Наше положение было теперь чрезвычайно сомнительное. Болото, в котором мы находились, было отнюдь не такое место, в котором следовало долго оставаться, тем более, что мы из жадности захватили как можно больше ценных вещей, а провизии захватили мало. Кроме того, для нас было чрезвычайно важно узнать, где мы находимся и какие люди живут в ближайшей от нас местности, раньше чем весть о взятии нашего корабля и о нашем побеге разнесется по свету. Остаться здесь, на болоте, мы не могли, нам грозила гибель; сесть на лодку и плыть по реке значило отдаться в руки врагов; мы решили идти пешком и искать таким путем выхода из нашего скверного положения.

Солнце взошло и было очень жарко, когда мы отправились в путь или, вернее, пустились бродить по болоту. Деттону мы дали в руки компас, а сами мы поочередно несли тюк, который он должен был нести.

Я должен сказать, что бродить по болоту была задача отнюдь не легкая: ежеминутно ноги наши вязли, и мы с трудом вытаскивали их, чтобы не утонуть; чтобы не провалиться, нам приходилось обходить опасные места и делать крюк, что было также не очень приятно; жара была невозможная, в воздухе было страшно душно, и к тому же насекомых в болоте были, положительно, мириады; они кусали нас и не давали нам ни минуты покоя; каждого из нас окружало буквально целое облако.

Мне не раз в жизни приходилось слышать о том, что люди интеллигентные и знатные с большим терпением выносят тягости путешествия, чем простые люди, и что очень часто бывает, что во время военного похода офицеры с большим терпением выносят все трудности похода, чем солдаты. Теперь я на деле убедился, что это правда.

Мы с Баллантрэ, оба чрезвычайно знатного происхождения, терпеливо выносили все неприятности и препятствия, тогда как Грэди, простой матрос, обладавший огромным запасом физической силы и по виду гигант, очень скоро начал жаловаться на усталость. Про Деттона этого сказать нельзя, он не отставал от нас и не ворчал⁸.

Грэди надоедал нам страшно своими жалобами; он уверял, что не может идти дальше, так как очень устал, отказывался нести тюк Деттона, когда очередь доходила до него, просил постоянно, чтобы ему дали выпить рому, тогда как у нас его было очень мало, и дошел до того, что, идя позади нас, вздумал пугать нас тем, что он нас застрелит, если мы не позволим ему отдохнуть, и в доказательство того, что он исполнит свою угрозу, вытащил даже из-за кушака заряженный пистолет.

Баллантрэ хотел было вырвать у него из рук пистолет, но я дал ему совет не делать этого и лучше отдохнуть. Он послушался меня, и мы сели отдыхать и принялись закусывать.

Но еда и отдых не особенно благотворно подействовали на расположение духа Грэди. Когда мы отправились в путь, он снова начал ворчать и жаловаться на свою участь и, наконец,

---

⁸ *Примечание мистера Маккеллара.* Это и понятно. Деттон, как офицер, нес на себе ответственность.

по неосторожности, вместо того, чтобы идти по нашим следам, прошел в сторону и, прежде чем мы могли подоспеть к нему на помощь, со страшным криком провалился в болото вместе со своей ношей.

Печальная участь несчастного, а вместе с тем и раздирающий его душу крик сильно подействовали на нас, но этот непредвиденный случай до известной степени принес нам пользу и помог нам выбраться из нашего затруднительного положения, потому что этот инцидент побудил Деттона влезть на дерево, откуда он увидел высокую гористую местность, покрытую лесом. Я также влез на дерево и, посмотрев в ту сторону, куда указывал мне Деттон, увидел то же, что и он. Теперь мы знали, куда нам идти.

Деттон пошел снова вперед, держа в руках компас, но, по всей вероятности, он стал теперь храбрее и был менее осторожен, потому что я увидел, как он сначала один раз споткнулся, а затем второй, после чего он, бледный как мертвец, обернулся к нам и сказал:

– Дайте мне вашу руку: мне грозит опасность.

– Я не понимаю, почему вы так думаете? – ответил Баллантрэ.

Деттон закричал громко о помощи, и я увидел, как болото начало втягивать его и он погрузился в него до пояса.

– Помогите мне, – закричал он, прицеливаясь в нас из пистолета, – или будете прокляты, и я убью вас!

– Нет, нет, не бойтесь, – сказал Баллантрэ, – я только пошутил, я тотчас помогу вам!

Он положил на землю свой тюк и тюк Деттона, который он также нес, и, обращаясь ко мне, сказал:

– Не подходи к нам раньше, чем я тебя позову.

С этими словами он бросился бежать к утопавшему, державшему все еще пистолет на прицеле, и на лице которого хотя и был еще заметен страх, но уже не такой сильный.

– Ради Бога, – сказал утопавший, – будьте осторожны, смотрите, куда вы ступаете.

Баллантрэ подошел теперь совсем близко к Деттону и сказал ему:

– Не двигайтесь, дайте мне подумать.

Затем, подумав с минуту, он сказал:

– Протяните мне обе ваши руки.

Деттон положил на землю пистолет, и земля была до такой степени пропитана водой, что как только пистолет попал на нее, он тотчас провалился. Увидев, что пистолет исчезает под землей, Деттон вскрикнул и нагнулся, чтобы вытащить его, но в ту минуту Баллантрэ поразил его кинжалом и толкнул его в болото. Не знаю, желал ли несчастный ухватиться за Баллантрэ или он сделал невольное движение руками, но только он протянул руки; движение это, однако, ему не помогло, и я не успел вздохнуть, как он уже провалился с головой в болото.

Баллантрэ провалился в него также уже по щиколотку, но не завяз в нем, а успел выско-чить и тотчас после этого подошел снова ко мне.

Я был ни жив, ни мертв. Колени мои так и дрожали.

Заметив мое волнение, Баллантрэ сказал:

– Однако, черт тебя побери, Фрэнсис, я думал, что ты храбрее. Ну, можно ли так пугаться? Что я такое особенное сделал? Что я помог пирату провалиться в болото? В этом, по моему мнению, ничего ужасного нет. Разве с разбойниками церемонятся? А теперь мы можем быть, по крайней мере, спокойны относительно того, что никто нас не выдаст и не узнает, что мы были пиратами, или что мы опоили или усыпили кого-нибудь. Свидетелей у нас больше нет.

Я был до такой степени взволнован сценой, которую видел, что все еще не мог прийти в себя и только с трудом мог ответить мастеру Баллантрэ несколько слов.

– Ну, пойдем теперь, – сказал мне мой спутник, – будь храбрее, имей больше мужества. Теперь мы ни в ком больше не нуждаемся. Деттон указал нам, куда нам идти, и мы отлично

обойдемся теперь без него. Согласись сам, что я был бы дураком, если бы не воспользовался благоприятным случаем избавиться от лишнего свидетеля моих действий на «Сарре».

Я не мог это отрицать, но вместе с тем не мог удержаться от слез, – настолько сильно подействовало на меня ужасное происшествие, которого я только что был свидетелем; я нисколько не стыдился этих слез, и мне кажется, что ни один порядочный человек не осудит меня за то, что я расплакался. Хорошо, что у меня был еще маленький запас рома; я чувствовал, что мне необходимо подкрепиться, и поспешил это сделать. Я опять-таки повторяю, что нисколько не стыдился своих слез, так как придерживаюсь того мнения, что даже на войне не следует быть варваром.

Мы с Баллантрэ отправились снова в путь, и фортуна нам помогла: в тот же вечер мы благополучно выбрались из болота.

Мы до такой степени устали, что, дойдя до сухого песчаного места, согретого светившим в продолжение всего дня солнцем, улеглись под группой сосен и крепко заснули.

На следующее утро мы проснулись очень рано и начали разговаривать. Но так как оба мы были в дурном расположении духа, то разговор наш чуть-чуть не окончился дракой.

Мы находились теперь к югу от французских владений, за сотни миль от какого-нибудь человеческого жилья; нам предстояло весьма опасное путешествие, во время которого мы легко могли погибнуть, и если мы с мастером Баллантрэ когда-нибудь нуждались во взаимной дружбе, то именно теперь.

Во время своего пребывания на корабле пиратов Баллантрэ, к сожалению, заимствовал у разбойников выражения, которых он прежде не употреблял и которые я не могу назвать вежливыми или приличными; я уверен, что если бы какой-нибудь джентльмен слышал эти выражения из уст молодого аристократа, он пришел бы в ужас.

В только что упомянутое утро Баллантрэ, разговаривая со мной, употреблял также крайне невежливые выражения. Я сделал ему по этому случаю замечание. Он обиделся и отошел в сторону. Я последовал за ним и старался доказать ему, насколько его поведение неприлично. Наконец он взял меня за руку и сказал:

– Фрэнк, ты помнишь нашу клятву быть друзьями, но, несмотря на эту клятву, я ни за что на свете не взял бы обратно слов, которые показались тебе оскорбительными, если бы я не чувствовал к тебе искренней привязанности. Быть может, ты мне не веришь, но я тотчас докажу тебе, что я говорю правду. Если я взял с собой Деттона, то только потому, что он знал дорогу; Грэди я взял с собой по той причине, что Деттон не желал отправиться со мной в путь без Грэди. Но что заставило меня взять тебя с собой? Не что иное, как моя привязанность к тебе. Ты постоянно только бранишь и журишь меня. По-настоящему мне следовало оставить тебя на корабле, и теперь ты сидел бы в оковах на английском крейсере. А ты еще надоедаешь мне своим проклятым ирландским языком и придираешься ко мне из-за пустяков.

Я возразил ему на это, что если мой язык проклятый, то и его язык не лучше, что он своим языком говорит такие скверные слова, которые слушать противно, и разговор наш перешел бы, вероятно, в серьезный спор, если бы неожиданное появление человека не прервало его и не дало бы нашим мыслям совершенно иное направление.

Разговаривая, мы ходили взад и вперед по песчаному берегу. Неподалеку от нас, на том месте, где мы спали, лежали наши тюки; один из них мы развернули, и деньги, которые лежали наверху, должны были броситься всякому в глаза. В то время, как мы разговаривали, мы не заметили, как какой-то человек с топором на плече подошел к соснам, под которыми лежали наши тюки. На вид это был крестьянин. Увидев золото и тюки, он от изумления открыл даже рот. Я уверен, что раньше, чем мы его увидели, он стоял и слушал, что мы говорили. Как только он заметил, что мы его увидели, он пустился бежать со всех ног.

Появление незнакомца крайне встревожило нас, и не без причины. Незнакомец застал двух вооруженных людей в морских костюмах и слышал, как они спорили, в то время как перед

ними лежали какие-то тюки; естественно, что все это должно было возбудить в нем подозрение, тем более, что на расстоянии нескольких миль отсюда недавно был захвачен разбойничий корабль. Не было никакого сомнения в том, что незнакомец поспешит объявить в селе о том, что он видел, и что нас постараются схватить.

Мы, разумеется, забыв о том, что мы только что спорили, недолго думая, взяли наши тюки и бросились бежать, куда глаза глядят. Но неприятно было, что мы не знали, куда бежим. Хотя Баллантрэ раньше и старался всячески выведать от Деттона, в какую местность мы приблизительно попадем и как нам выбраться из нее, нам трудно было найти верный путь по устным указаниям кого бы то ни было, так как мы никогда не бывали в этой местности. В какую сторону мы ни кидались, вода нам всюду преграждала путь.

Мы начали уже отчаиваться в том, что мы выберемся из этой местности, и с трудом переводили дыхание, так быстро мы бежали, когда, взобравшись на какую-то дюну, мы увидели перед собой маленький залив. Залив этот отличался от других заливов, которые преграждали нам путь до сих пор, тем, что он окружен был высокими скалами. Это была скорее бухта, чем залив, но вода в ней была настолько глубока, что небольшой корабль мог там смело плавать. Мы действительно увидели стоявший на якоре корабль, с которого на берег была перекинута доска. Здесь, на берегу, экипаж корабля развел огонь и, усевшись вокруг него, обедал. Корабль же по своему наружному виду походил на корабли, которые строят на Бермудских островах.

Ненависть, которую все сельчане питают к пиратам, и желание отнять у них приобретенные ими сокровища, без сомнения, должны были побудить их броситься за нами в погоню. Нам необходимо было бежать из этой местности как можно скорее.

Теперь мы ясно убедились в том, что мы находимся на полуострове, но попасть оттуда на материк нам было не легко, так как нам угрожала опасность быть схваченными. Эти соображения заставили нас немедленно решиться на храбрый и отчаянный поступок.

Но, прежде чем исполнить его, мы легли на несколько минут на землю, чтобы отдохнуть и набраться сил, но в то же время прислушивались, не гонятся ли за нами. Отдохнув немного и пригладив растрепавшиеся волосы, мы, приняв крайне беспечный вид, подошли к обедавшей компании.

Корабль, стоявший в бухте, был торговый корабль, шедший с грузом из Индии и находившийся на обратном пути в Альбани, город Нью-Йоркской провинции. Название корабля я в настоящую минуту вспомнить не могу. Мы были крайне удивлены, когда нам рассказали, что корабль спрятался в бухту от «Сарры». Мы никак не ожидали, что наш разбойничий корабль приобрел такую известность.

Как только альбанский торговец услышал, что «Сарра» захвачена в плен и не может ему причинить уже никакого вреда, он вскочил на ноги, предложил нам выпить с ним чарку за то, что мы принесли ему такое хорошее известие, и велел своим матросам-неграм сняться с якоря.

Мы же тем временем старались войти в доверие капитана и, любезно побеседовав с ним, попросили его взять нас на корабль в качестве пассажиров.

Капитан подозрительно взглянул на наши костюмы и на наши пистолеты и, подумав минуту, сказал, что у него на корабле нет места, что у него еле-еле хватает места для себя и для своей команды. Ни наши усердные просьбы, ни крупное денежное вознаграждение, которое мы ему обещали, не поколебали его решения.

– Я вижу, вы о нас дурного мнения, – сказал Баллантрэ наконец, – а между тем я докажу вам, что вы ошибаетесь. Я скажу вам всю правду: мы якобиты-беглецы, и тот, кто выдаст нас, получит за наши головы награду.

Когда альбанский торговец услышал эти слова, он как будто поддался на наши просьбы и задал нам несколько вопросов, касающихся войны с шотландцами. Баллантрэ очень терпеливо выслушал все вопросы и обстоятельно рассказал ему все, что он желал знать.

После этого капитан сделал какой-то непринужденный или, вернее, грубый жест и сказал:

– Я уверен, что принц Чарли вознаградил вас за ваше усердие. Не правда ли?

– О, да, разумеется, – ответил я. – И надеюсь, что вы, дорогой сэр, возьмете с него пример и будете настолько любезны, что не заставите нас тщетно просить вас принять нас на корабль.

Слова эти я сказал на ирландском языке, и правильно поступил, так как мое обращение на ирландском языке произвело на него хорошее впечатление. Странно, какой удивительной симпатией ирландцы пользуются у многих наций. Сколько раз я замечал, как нищий, прося милостыню, достигал своей цели, употребив это наречие.

Я нарочно говорил на ломаном языке, чтобы рассмешить капитана, и мне это удалось. Он, действительно, рассмеялся, а как только он рассмеялся, мне уже легче было уговорить его взять нас к себе на корабль.

Но, прежде чем согласиться взять нас с собой, он поставил нам несколько условий, затем он отнял у нас оружие, и уж после этого позволил нам вступить на его корабль. Как только мы уселись, он дал приказ отчалить от берега, и мы с попутным ветром быстро понеслись по волнам, в душе благодаря Бога за наше спасение. У самого устья реки мы встретились с крейсером, захватившим в плен команду «Сарры», а затем прошли мимо «Сарры», на которой мы столько месяцев мучились и столько терпели. Вид обоих кораблей даже и теперь привел нас в ужас.

Корабль, на который мы попали, был хорошо построен, и мы были очень довольны, что очутились на нем, особенно когда мы вспоминали о том, в каком положении находились теперь наши бывшие товарищи. Сесть на корабль, с капитаном которого мы не только не были знакомы, но о котором мы даже ничего не слыхали, и ехать с ним неизвестно куда, было, разумеется, своего рода риском; мы могли, как говорится, попасть из огня да в полымя, но все-таки тут было больше шансов на успешный исход нашего предприятия, чем если бы мы остались на «Сарре» и попали бы на военный корабль в качестве пленников.

Попав на корабль альбанского торговца, мы, стало быть, устроились лучше, чем мы думали. В то время масса альбанских торговцев занималась контрабандой, и союзниками их в этом отношении были индейцы и французы. Они, как и все контрабандисты, были большие плуты и шпионы и примыкали к какой угодно партии, лишь бы им это было выгодно. Наш альбанец хотя и не был контрабандистом, был человек очень жадный, но в обращении крайне любезный. Он вскоре подружился с нами и, раньше чем мы пришли в Нью-Йорк, он обещал нам доставить нас в Альбани, а затем проводить нас через границу, где мы могли соединиться с французами. За эту услугу он потребовал от нас большое вознаграждение, и мы, разумеется, обещали его ему, так как в нашем положении нам торговаться было нельзя.

Мы поплыли по реке Гудзон и пристали к берегу в Альбани. В городе было множество милиции, собравшейся сюда из всей Нью-Йоркской провинции; альбанцы пылали ненавистью к французам. Губернатор Клинтон, очень деятельный человек, был страшно встревожен всеми этими событиями. Индейцы также стали на военное положение против белых и при этом не щадили ни мужчин, ни женщин, попадавших к ним в плен, и скальпировали их. Скальпы эти производили на меня потрясающее впечатление.

Мы не могли попасть в Альбани в худшее время, чем то, в которое мы попали. Мы, как иностранцы, не могли не обратить на себя внимания. Наш альбанец не сдержал своего слова и не перевез нас через границу. Нам, беглецам, отовсюду грозила опасность, и мы положительно не знали, как нам выбраться из нашего ужасного положения.

Но и здесь счастье не покинуло нас, и с Божьей помощью мы совершенно случайно благополучно выбрались из Альбани. Что за слабое существо человек! Несмотря на то, что Баллантрэ обладал гениальным умом, и что он и я были люди очень храбрые, мы бы без Божьей помощи ровно ничего не достигли. И сколько истины в этих словах, что без Бога ни до порога!

Вот каким образом мы спаслись. Во время одного кутежа, который устроил наш альбанец, мы познакомились с молодым индейским торговцем, по имени Чу. Он был человек очень

храбрый и отлично знал все секретные тропинки в лесах Нью-Йоркской провинции. Он был в дурных отношениях со своими родичами и хотел убежать от них, и мы воспользовались тем, что он собрался бежать, присоединились к нему и предложили ему бежать вместе. Он запасся всем, что требовалось для нашего бегства, и в один прекрасный день, не сказав ни слова нашему альбанскому торговцу, мы, усевшись в индейскую пирогу, бежали из Альбани.

Чтобы описать все трудности нашего путешествия, надо обладать большими литературными способностями, чем владею я. Читатель должен сам представить себе ту дикую, страшную страну, по которой нам пришлось путешествовать, он должен представить себе непроходимые болота, крутые скалы, бурные потоки и удивительные водопады. И по такой дикой стране мы должны были путешествовать целыми днями, то плывя на нашем челноке по речкам, то неся челнок на плечах и странствуя пешком. Ночью же мы зажигали костер и спали возле него, в то время как неподалеку от нас раздавались крики волков и других диких зверей.

Если бы мы могли переехать Гудзонов залив и пробраться к Кроун-Пойнту, то мы скорее бы приблизились к цели, но так как было известно, что французы заняли позицию у Чамплэнского озера и, разумеется, тотчас задержали бы нас, заметив, что мы беглецы, то нам пришлось делать столько обходов, переезжать через такое множество речек и озер и перебираться через такое большое количество перешейков, что у меня не хватает памяти перечислить их.

В обыкновенное время на тропинках и дорожках, по которым нам пришлось бродить, редко кого можно было встретить, но в то время, когда мы путешествовали, по случаю войны, лес был полон индейских разведчиков различных диких племен. Как раз в тех местах, где мы меньше всего рассчитывали встретить их, они попадались нам навстречу. До сих пор у меня остался в памяти один день, когда мы вдруг, совершенно неожиданно, на заре увидели перед собой пять или шесть татуированных чертей, размахивавших топорами.

Положим, что встреча с ними кончилась благополучно, как большинство подобных встреч, но только благодаря тому, что Чу пользовался известностью и большой симпатией среди многих индейских племен. Он действительно был чрезвычайно любезный человек и очень приятный собеседник и в своем обращении был необыкновенно прост и сердечен, и несмотря на то, что индейцы его очень любили, мы много раз подвергались опасности быть убитыми татуированными чертями.

Чтобы индейцы относились к нам более милостиво, мы при каждой встрече с ними должны были выкатывать наш бочонок с ромом и угощать их, и только таким образом нам удавалось благополучно отделаться от них и спасти наши скальпы. Ром они называли «scaura», и наш «scaura» пришелся им удивительно по вкусу.

Однажды они, выпив большое количество рома, не удовольствовались этим и вздумали гнаться за нами, чтобы отнять у нас весь наш запас. К счастью, они все-таки были настолько пьяны, что не в силах были поспеть за нами, иначе, я уверен, мне никогда бы не удалось написать эти мемуары.

Как раз в то время, когда нам грозила опасность попасть в руки французов или англичан, в самый критический момент нашего путешествия нас постигла снова неудача: молодой индеец, наш проводник, внезапно заболел и в несколько часов умер. Судя по признакам его болезни, он умер от отравы. Мы таким образом лишились нашего проводника, переводчика и лодмана, так как он соединял в себе одном все эти три должности. Своей смертью Чу поверг нас в полное отчаяние, и мы положительно не знали, как нам быть.

В то время как молодой индеец путешествовал с нами, он много раз читал нам лекции по географии Америки; он, по-видимому, очень гордился своими познаниями по географии. Баллантрэ обыкновенно прислушивался к тому, что он говорил, я же по большей части пропускал эти лекции мимо ушей, так как мне они казались скучными. Поэтому, несмотря на то, что я знал, что мы находимся в области, где живут адирондакские индейцы, и что мы, по словам Чу, были уже не очень далеко от цели нашего путешествия, я решительно не знал, куда и в какую

сторону нам ехать или идти. Баллантрэ, вопреки моим ожиданиям, знал столько же, сколько и я; очевидно, он забыл о том, что он слышал от Чу, и помнил только, что нам надо ехать сначала по одной реке, затем перейти перешеек и ехать по другой, а впоследствии еще и по третьей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.